

Луи Буссенар

Монмартрская сирота

Луи Буссенар
Монмартрская сирота

«Public Domain»

1894

Буссенар Л. А.

Монмартрская сирота / Л. А. Буссенар — «Public Domain», 1894

«Два путника или, вернее, два беглеца – негр и молодая белая девушка – брели, едва передвигая ноги, по отвратительной дороге, с ухабами и рытвинами, усеянной Острым красным булыжником, причиняющим невыносимую боль ногам. Он – седой старик, с короткой щетинистой бородой, искривленным от страданий ртом и зияющими ранами вместо глаз. Едва прикрытый изодранной в клочья одеждой, носящей следы недавней борьбы, сильно запыхавшийся, измученный долгой дорогой, идет он, пошатываясь и спотыкаясь о камни, раздирающие в кровь его голые ноги. Она – удивительно красивая, совсем молоденькая, почти дитя – ведет старика за руку, пытаясь облегчить ему путь, но сама на каждом шагу спотыкается, стонет и, несмотря на сверхъестественные усилия сдержать себя, иногда горько жалуется на судьбу. Время от времени она оборачивается и тревожно оглядывает пустыню полными слез голубыми глазами, со страхом ожидая, что вот-вот нагрянут враги...»

© Буссенар Л. А., 1894

© Public Domain, 1894

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	26
Глава VII	29
Глава VIII	34
Глава IX	39
Глава X	44
Глава XI	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Луи Буссенар

Монмартрская сирота

Счастливые дни ранчо Монмартр

Часть первая

Королева золота

Глава I

Два путника или, вернее, два беглеца – негр и молодая белая девушка – брели, едва передвигая ноги, по отвратительной дороге, с ухабами и рытвинами, усеянной Острым красным булыжником, причиняющим невыносимую боль ногам.

Он – седой старик, с короткой щетинистой бородой, искривленным от страданий ртом и зияющими ранами вместо глаз. Едва прикрытый изодранной в клочья одеждой, носящей следы недавней борьбы, сильно запыхавшийся, измученный долгой дорогой, идет он, пошатываясь и спотыкаясь о камни, раздражающие в кровь его голые ноги.

Она – удивительно красивая, совсем молоденькая, почти дитя – ведет старика за руку, пытаясь облегчить ему путь, но сама на каждом шагу спотыкается, стонет и, несмотря на сверхъестественные усилия сдерживать себя, иногда горько жалуется на судьбу. Время от времени она оборачивается и тревожно оглядывает пустыню полными слез голубыми глазами, со страхом ожидая, что вот-вот нагрянут враги.

Вот стон снова срывается с ее губок – видны два ряда жемчужных зубов, созданных для счастливой улыбки.

– О, я изнемогаю... Жо... Мой добрый Жо... Я, кажется, сейчас умру...

Несчастный старик со вздохом остановился и мягким, певучим, голосом, свойственным лишь неграм, произнес:

– Не теряйте бодрости, мадемуазель Элиза. Золотые россыпи недалеко... Мы найдем белых, которые нам помогут!

Измощенная и задыхающаяся, девушка собралась с последними силами и попыталась продолжить путь. Пошатываясь, она сделала несколько торопливых шагов, но ноги у нее подкосились, и она тяжело опустилась на землю.

Ломая в отчаянии руки, она, обессиленная, прошептала:

– Бедный мой отец... Дорогая матушка... В руках этих разбойников... О, кто, кто их спасет!..

– Милосердный Бог не оставит их, – пытался успокоить ее негр.

Девушка лихорадочно отбросила свои тяжелые светлые, с золотистым отливом волосы, беспорядочно разметавшиеся во время бегства.

– Это невыносимо... невыносимо... Неужели надо мной висит проклятие, и я ничего не смогу сделать для их спасения!..

Несчастный старик, тронутый этим взрывом отчаяния своей молодой госпожи, энергия которой изумляла и приводила его в восторг, застыл, стоя в грязной рытвине и дрожа, как на морозе, под яркими и горячими лучами солнца. Не зная, чем и как утешить девушку, он и сам заплакал.

О ужас! Из его глаз покатались жгучие слезы, оставляя алый след на изуродованном лице.

Несчастный старик плакал кровавыми слезами.

Молодая девушка вздрогнула от ужаса при виде этого зрелища.

– Жо... мой бедный, дорогой Жо, – прошептала она. – Проклятое золото... Из-за него тебе выкололи глаза... Из-за него отец и мать попали в плен... и их теперь пытаются... Бедный мой отец!.. Он опьянялся собственными словами, говоря: «Больше чем на сто миллионов... Я буду королем золота...»

– Господин говорил правду: так оно и есть.

– А ты... зачем ты не открыл бандитам, где сокровища?.. Мы не знали бы тогда этих несчастий.

– О, я не хотел, я не смел... О нет, никогда!.. – решительно возразил негр.

– А теперь... Мы обречены на смерть от голода, жажды, страха и усталости... Нас преследуют... Я это чувствую... Вот-вот нас догонят негодяи бандиты, гораздо более коварные и жестокие, чем индейцы... Они замучат нас самыми изощренными пытками.

– Мы уйдем... Мы найдем поле золотоискателей... Поле там, недалеко...

– Я едва держусь на ногах...

– Мадемуазель Элиза... Моя дорогая, маленькая Элиза, ваш старый Жозеф понесет вас... – предложил девушке готовый на любое самопожертвование старый негр, забыв и страшную усталость, и страдания, причиненные ему только что совершенной над ним ужасной операцией. – Будьте моими глазами, а я буду вашими ногами, – продолжал он. – Ведите меня... Указывайте мне сторону, где восходит солнце... там мы найдем белых... там мы найдем спасение...

Девушка с трудом поднялась на ноги и, достав платок, с нежностью и любовью вытерла лицо старика.

Затем она обвила руками его шею и, прикоснувшись губами к его впалой щеке, поцеловала бедного негра, сердце которого радостно забилося от этой ласки.

– Идем... – промолвила она. – Я немного отдохну, и мы пойдем рядом.

И вот, опираясь друг на друга, эти два существа, которые, казалось, олицетворяли собой страдание и несчастье во всем их ужасном, душу надрывающем виде, медленно двинулись вперед под знойными лучами солнца по направлению к зеленому холмику, видневшемуся на горизонте.

Еще четверть часа мучительной дороги – четверть часа невыносимой пытки.

Жо совершенно обессилел, он едва переводил дух и только невероятным напряжением воли держался на ногах. Элиза, крепко обхватив его за шею, слышала неровное биение старческого сердца и со страхом чувствовала, что хриплое дыхание Жо становится все прерывистее.

Казалось, вот-вот он упадет и уже не сможет подняться. Не было сил и у Элизы.

И вот, когда путники уже потеряли всякую надежду, где-то за деревьями раздалось несколько выстрелов.

– Туда!.. Лагерь золотоискателей... Милая Элиза, мы спасены!.. – радостно воскликнул старик.

Девушка, хорошо знакомая с американскими нравами, прекрасно знала, что на Дальнем Западе, куда уже начала проникать цивилизация, алкоголь и порох обязательны в часы развлечений.

– Рудокопы выпили и гуляют, – продолжал старик веселым тоном.

Ковбои, скотоводы и искатели золота живут с револьвером или винтовкой в руках, и любой пустяк может стать поводом для стрельбы. Каждый удачный ход во время карточной игры, каждый меткий удар игральной кости знаменуются выстрелом. В театре град пуль заменяет аплодисменты, превращая в решето деревянную крышу дрянного балагана, наскоро сколоченного в центре поселка, состоящего из шатров и барачков.

Какой-нибудь весельчак, желая пошутить, пулей выбивает у приятеля сигару, которую тот курит, прогуливаясь.

Да, Элизе все это было знакомо; ее страшила лишь мысль, как бы вместо дурно воспитанных авантюристов, бесшабашных, но безобидных, не наткнуться на грубых пьяниц, отравленных алкоголем, на безумцев, затевающих кровавые драки и беспричинно убивающих друг друга.

В этой местности, граничащей с Новой Мексикой, Техасом и территорией, заселенной индейцами, где нет иного права, кроме права сильного, иных развлечений, кроме дикого разгула, встречаются отъявленные негодяи, бродяги, выбитые из жизненной колеи.

Однако в этой ситуации беглецы могли выбрать только одно из двух: погибнуть или попасть в этот ужасный вертеп, где все же, быть может, им будет оказана помощь.

Элиза знала, что пионеры постоянно борются с индейцами, пробивая себе путь к обширной долине, окруженной скудными небольшими рощами, ежедневно опустошаемыми пилой и топором. Несколько мутных ручейков вытекают по этой долине, поверхность которой, изрезанная во всех направлениях рытвинами, свидетельствует об упорном, но лихорадочном труде человека. Всюду видны сотни продолговатых четырехугольников и столько же наполненных песком ям. Всюду заступы, лопаты, оловянные и деревянные дощечки, ящики из досок, странные инструменты из ивового дерева, формой напоминающие детскую колыбель. Тут же на песке валяются тысячи коробок из-под консервов.

Этот обширный участок, теперь безлюдный, и есть Золотое Поле.

Прямоугольные ямы – те самые claims, как их называют золотоискатели, откуда добывается золотой песок. «Claim» означает то условие, по которому рудокопы допускаются к работам. Брошенные инструменты – это орудия золотоискателей, которые, предавшись бурному разгулу, забыли обо всем на свете.

Здесь же, на этом поле, зарыты тела убитых, подкарауленных алчными людьми, которых страсть к наживе пригнала сюда со всех концов земного шара. Население долины состоит из рабочих и бандитов, привычных к самому тяжелому труду и самым страшным излишествам. Их около тысячи, а может быть, и больше – точно неизвестно; но число их возрастает ежедневно, и через месяц, вероятно, их наберется до десяти тысяч. Они теснятся в телегах и сооруженных на скорую руку палатках, а иные, основательно относящиеся к жизни, умудрились выстроить грубые хижины из толстых бревен, скрепленных болтами. Все вместе имеет вид беспорядочно раскинувшегося городка с населением из англичан, немцев, янки, евреев, португальцев, перуанцев, аргентинцев, испанцев, китайцев, ирландцев, кабатчиков, отравителей, воров, мошенников и убийц, готовых на все ради удовлетворения своих алчных appetitov.

Затеянная неизвестно по какому поводу оргия была в настоящий момент в самом разгаре. В воздухе чувствовался – запах алкоголя, пороха и крови. Кабаки, претенциозно переименованные в «салуны», были битком набиты, и содержатели этих притонов обделывали «золотые» дела.

Таков был тот ад, куда попали вконец измученные старый негр Жо и прелестная Элиза, девушка не только с французским именем, но и с очаровательной внешностью настоящей парижанки, да, парижанки, поскольку, как увидят читатели, она была родом с Монмартра.

Прибытие двух беглецов осталось бы незамеченным, попади они сюда в разгар рабочего дня: они могли бы найти покровительство у какого-нибудь золотоискателя, быстро разбогатевшего благодаря счастливой находке. Легкая нажива делает человека радушным и щедрым. Таковы рыцари зеленого поля, таковы и искатели золота – те же игроки, но не на зеленом, а на золотом поле, так же подверженном случайностям.

Громадный техасец заметил беглецов в тот момент, когда Элиза, которая не могла долее терпеть мучительную, изнуряющую жажду, стояла на коленях перед ручьем и, преодолевая отвращение, пила илистую воду.

Ростом в шесть футов, с могучим, но нескладным станом, грудью коренника и испитым лицом, на котором отражались все дурные страсти, возбужденные алкоголем, этот человек олицетворял собой физическую силу, грубую и неукротимую.

При виде молоденькой девушки, которая похолодела от ужаса, заметив его, он разразился грубым смехом:

– О черт возьми!.. Это маленькая француженка с той стороны... Немного оборвавшаяся во время путешествия, но прелестная...

Побледнев, она отшатнулась от него и бросилась бежать.

Он снова закатился скотским смехом и крикнул:

– Привет!.. С каких пор не узнают приятелей?

Увы, она прекрасно узнала этого человека, который бродил вокруг их фермы, названной в честь далекой родины Монмартрской.

Он всегда бросал на девушку взгляды, приводившие ее в трепет, и, вопреки обычному уважению, с каким относятся американцы к женщине, позволял себе дерзости.

Теперь слепая судьба столкнула ее с этим негодяем, который всегда внушал ей безумный страх и непреодолимое отвращение.

Он бросился за ней и без труда догнал ее.

Ни слезы, ни мольбы, которые могли бы, кажется, смягчить даже зверя, не оказали на техасца никакого действия. Схватив девушку за волосы, он притянул ее к себе, пытаясь поцеловать, – от него разлило алкоголем и нюхательным табаком.

Душераздирающие вопли Элизы сопровождались отчаянными возгласами слепого: он шел на ощупь, с вытянутыми руками и, наткнувшись на камень, беспомощно упал на землю.

Эти крики донеслись до пировавших в тавернах, и они прибежали на шум.

При виде гиганта, в руках которого билась молодая девушка, послышались шуточки и остроты.

Негодяи протягивали руки и теребили несчастную девушку, которая, поддавшись слабости, свойственной ее полу и возрасту, продолжала горько плакать.

Жо, смятый толпой, не мог подняться и страшно кричал от боли.

Это вывело из себя Бена, и он зарычал:

– О дьявол! Заставьте замолчать этого негра или я убью его как собаку!

– Что же нам с ним сделать?

– Опоите его! Откройте ему глотку и лейте виски, пока он не лопнет!

Это дикое предложение вызвало взрыв восторга.

В мгновение ока Жо был распластан на столе с воронкой во рту.

Пока одни хохотали до упаду над судорожными движениями несчастного слепого, подвергнутого ужасной пытке, другие вопили хриплыми, пьяными голосами, решая, что им делать с Элизой.

Измученная усталостью, лишениями и страхом, девушка испустила слабый крик, похожий на жалобный писк смертельно раненной птички, и упала без чувств.

Глава II

Приспешников Бена было человек двадцать пять или тридцать. Это были отъявленные бандиты, отребье Золотого Поля, население которого состояло исключительно из подонков общества. Чтобы никому не было обидно, решили разыграть молодую девушку в лотерею.

Бен, сопровождаемый дико ревушей, пьяной и оборванной толпой, перенес бедную Элизу, еще не очнувшуюся от обморока, в свое жилище.

Нельзя сказать, чтобы оно поражало роскошью. Это была комната футов пятнадцати в длину и двенадцати в ширину. Обстановка состояла из двух кроватей или, вернее, двух огромных деревянных ящиков, наполненных маисовыми листьями и покрытых мехами, правда очень красивыми. Деревянные стены во всю длину были завешаны седлами, уздечками и винчестерскими ружьями. На полу в качестве подстилок валялись отвратительные лохмотья, издававшие острый, тошнотворный запах диких зверей.

Гигант положил девушку на одну из постелей и вышел.

Встретив на пороге близкого приятеля, он быстро наклонился к нему и отрывисто шепнул на ухо:

– Пятьсот долларов, если сможешь мне выиграть... если нет, удар ножа между лопаток...

– Ладно... можешь быть спокоен, – ответил тот, прельщенный крупной суммой и обеспокоенный угрозой.

Местом для розыгрыша золотоискатели выбрали самую, по их выражению, «выдающуюся» в Золотом Поле таверну.

«Выдающийся» – один из их любимейших эпитетов для выражения превосходства.

Таверна эта называлась «Dèsse Fortune» и принадлежала Джошуа Отравителю. Это было нечто в роде местного Café Anglais или Maison Dorée.

Бывший ученик аптекаря, Джошуа Отравитель, попавший в Золотое Поле в силу некоторых обстоятельств, о которых он благоразумно молчал, весьма успешно применял свои профессиональные познания, приготовляя убийственные напитки, столь любезные американским глоткам.

Он, между прочим, успел приобрести громкую известность среди населения Дальнего Запада горячительными напитками собственного изобретения. Его изобретательности, например, обязаны своим существованием так называемые «булавочный» сироп и «тарантуловая» настойка – два напитка, которые даже американцы находят лютыми.

Первый из них – невинная смесь сахарной водки, кайенского перца, безводной серной кислоты и патоки – употребляется как легкое средство, возбуждающее аппетит. Второй напиток появляется на столе только в исключительных, высокотожественных случаях, и с составом его, как и с действием на организм, читатель познакомится несколько ниже.

Отравителю, который славился среди золотоискателей как большой грамотей, было поручено надписать на тридцати двух билетиках имена участников лотереи.

Пока он, не торопясь, выводил каллиграфически букву за буквой, чтобы посетители успели выпить на большую сумму, пред ним вырос золотоискатель, подкупленный Беном, и шепнул ему:

– Мы разыгрываем девушку, из-за которой Бен готов рискнуть головой. Во что бы то ни стало он должен ее выиграть. Ты положишь в карман двести долларов, если на всех билетах будет имя Бена...

– Понятно, – ответил тот с видом человека, понимающего с полуслова, и принялся быстро свертывать билетки, подделать которые ему было легко, потому что никто ничего

не подозревал. Затем он сложил их в засаленную поярковую шляпу и знаком подозвал служанку-ирландку, напившуюся почти до бесчувствия.

Она с важностью выслушала хозяина, выпила, вероятно для прояснения мыслей, стакан «булавочного» сиропа и заговорила ужасным хриплым голосом:

– Я понимаю... Вы хотите, чтобы я вынула наугад одну из этих бумажек... Это лотерея, не так ли?

– Да, лотерея.

– А что даст мне выигравший?!

– Десять долларов и поцелуй!.. – крикнул кто-то.

– О, поцелуй!.. Я предпочитаю кружку «тарантуловой» настойки. Ее требуют не особенно часто... Право, нынешние мужчины разучились пить.

– Если я выиграю, так ставлю целый бочонок, – предложил Бен.

Взрыв аплодисментов раздался в ответ на это обещание.

Мегера опустила руку в шляпу, вынула одну бумажку и подала ее содержателю притона.

Тот медленно развернул ее, расставил ноги и, чтобы окончательно усыпить подозрительность участников лотереи, крикнул:

– А мне что даст счастливец?

– Пятьдесят долларов... Шестьдесят... Сто...

– Это недурно, но все же не так уж щедро.

– А ты, Бен, отчего ты ничего не говоришь?

– Пятьсот долларов. Да расстреляет черт мою душу!

– В добрый час! Вот что значит говорить по-джентльменски. Тебе посчастливилось, приятель. Выигрыш за тобой... Посмотрите, джентльмены, на билете выведены все до одной буквы: «Бен Рэнджер».

Раздался гром проклятий и аплодисментов, сопровождавшийся звоном разбиваемой посуды и треском револьверных выстрелов.

Бен вынул из-за пояса горсть золотого песка, положил ее на стол и вышел.

Товарищи его, непрерывно пившие со вчерашнего вечера и не менее пьяные, чем он, закричали ему вслед:

– Э, как?.. Уже?.. А «тарантуловая» настойка?.. Выпей свою часть...

– Нет... нет... я спешу, – отказался Бен.

– Ладно, мы проводим тебя до дому.

– Как хотите.

Разбойники двинулись в путь, горлая песни, паля из револьверов и продолжая свою попойку в кабаках, которыми была буквально усеяна их дорога.

Во время этой лотереи, длившейся часа два, Элиза, запертая в хижине бандита, мало-помалу пришла в себя. Она стала вспоминать все, что случилось с ней после того, как она, измученная всякими злоключениями, пришла просить защиты у людей своей расы от бесчеловечных преследователей.

Разве эти люди чем-нибудь отличались от тех бандитов? Увы, они нисколько не уступали в свирепости и зверстве чудовищам, которые отняли у нее родителей и изуродовали бедного Жо, ее кроткого и преданного друга.

Что стало с отцом и матерью? Что теперь с бедным Жо? Какая участь, хуже всяких несчастий, даже хуже смерти, ждет ее?

К ней возвратилась ясность мысли, и она с трепетом стала думать об ужасающей действительности.

Вынужденный отдых в логове негодяя, который с минуты на минуту должен был вернуться, придал ей немного бодрости. Девушка соскочила с постели и бросилась к двери, запер-

той только на задвижку. Она машинально открыла ее и хотела бежать из этого ада куда глаза глядят.

В это время к хижине подошла безобразная ватага.

Пьяные негодяи узнали беглянку и с криками окружили ее.

– Теперь ты моя! Я тебя выиграл! – обратился к ней Бен, схватив ее за руку.

Страх и отвращение удесятерили ее силы: Элиза выдернула руку, оставив в руках негодяя кусок сукна, и, как безумная, бросилась бежать.

Бен, спотыкаясь и пошатываясь, гнался за ней и, будучи не в состоянии догнать ее, бешено орал:

– Да зажарят меня в аду!.. Не уйдешь!..

Она ловко увертывалась от него, а он все больше и больше свирепел, раздраженный неудачей и насмешками товарищей. Наконец он встал, тяжело дыша, вытащил револьвер и прицелился в девушку, которая остановилась перевести дух.

«Он убьет меня, – подумала она. – Пусть, тем лучше».

У бандита, однако, было другое намерение.

– Она бежит недурно, – загремел он. – Надо перебить ей одну ногу... Ногой меньше...

Не все ли равно? Не так ли, друзья?

– Стой! – прервал его вдруг один из золотоискателей, вытаскивая револьвер. – Ты не должен ее калечить.

– Мое дело. Что хочу, то и делаю, – возразил Бен.

– А я этого не позволю. Убери револьвер, или я тебя пристрелю.

Бен пожал плечами, презрительно плюнул и выстрелил в девушку, но промахнулся, так как руки его дрожали от ярости.

В ответ грянул другой выстрел, и пуля угодила Бену в живот, туда, где видна подреберная впадина, – это излюбленное место американских стрелков.

Бен зарычал, как смертельно раненный зверь.

– Мерзавец!.. Ты убил меня!..

– Я предупреждал тебя... Знаешь, бывают моменты, когда говорят только револьверы.

Чувствуя приближение смерти, колосс проткнул пальцем рану, из которой струей брызнула алая кровь, и, собравшись с последними силами, испустил долгий призывный крик со странными переливами.

Желая отомстить, умирающий прицелился дрожащей рукой в своего убийцу, но тот вовремя это заметил и выстрелом в висок убил его наповал.

Окруженная бандитами, Элиза и думать не могла о бегстве.

Минуту длилось трагическое молчание, вызванное этой непредвиденной драмой, которая была, как мы сейчас увидим, прологом другой, еще более ужасной.

На громкий призыв Бена из соседней таверны стремглав прибежал другой гигант. Увидев труп, он во весь голос завопил, прерывая рыдания страшными стонами:

– Мой брат убит!.. Мой брат убит!.. Кто убил Бена?

Все молчали.

– Отвечайте, отвечайте же, подлые трусы! – яростно кричал он.

– Это я, Фрэд, – с решительным видом ответил слегка побледневший убийца. – Выстрел был вполне законен... Я предупредил Бена.

– Ложь! – заорал Фрэд. – Бен уколошил бы пятерых таких, как ты...

С этими словами он, как бешеный, бросился на своего противника, который снова поднял револьвер и спустил курок, – револьвер дал осечку.

Взмахом могучей руки Фрэд повалил несчастного на землю, придавил ему коленом грудь, и ударом ножа перерезал горло.

Кровь полилась ручьем, образовав на белом песке красную лужу.

Еще одним ударом ножа свирепый золотоискатель отделил голову от туловища и, взяв ее за бороду, бросил к ногам Бена, рыча: «Ты отомщен, брат!»

Бедная Элиза с невыразимым ужасом наблюдала эту сцену.

Несмотря на то что она провела детство в пограничных местностях, ее поразило подобное злодейство.

Человека, полного сил и здоровья, кромсает на куски другой человек. Всюду кровь... Всюду трупы, даже там, где человек только что нарушил своим появлением покой девственной природы.

Значит, верно все то, что рассказывали про кровавые оргии пионеров-искателей золота, ковбоев, скотоводов и охотников, этих виртуозов ножа и револьвера! Значит, нет преувеличений в рассказах об их свирепости, об их потрясающем презрении к своей и чужой жизни!

Она считала себя погибшей: эта сцена, походившая на кошмарный сон, доводила ее до потери сознания, до мысли о смерти... быстрой смерти, которая избавила бы ее от ужасной муки.

Глава III

Охваченная ужасом, она не сводила глаз с бандита, от которого зависела ее участь.

Он был такого же гигантского роста, как и его брат, чей труп лежал тут же, распростертый на покрасневшем песке.

По акценту в нем легко было узнать уроженца Техаса, образчик тех янки, которые сами о себе говорят, что они наполовину лошади и наполовину крокодилы.

Между тем товарищи Фрэда ушли, горланя песни, в таверну Отравителя, оставив Элизу наедине с Фрэдом.

– Теперь они оставят нас в покое, – проговорил гигант, пожимая плечами. – Снадобье Джошуа отшибет им память дней на восемь, а некоторых и совсем спровадит на тот свет.

Из всех ядовитых напитков, употребляемых янки, самый страшный, несомненно, «тарантуловая» настойка, получивший, вероятно, такое название потому, что пьющий его совершенно теряет рассудок, как после укуса тарантула.

Состав этой настойки, открытый несколько лет назад Джошуа Отравителем, весьма несложен: нужно взять десять литров спирта, столько же килограммов сушеных персиков, две папуши черного табака, сорок литров воды и дать этой смеси перебродить.

Эта адская настойка, основой которой является никотин, вызывает у тех, кто может проглотить ее, злокачественное болезненное опьянение, которое продолжается целую неделю. Пьющие ее уподобляются буйным сумасшедшим: у некоторых начинаются судороги, а следующий за ними упадок сил нередко влечет за собой смерть.

Когда ревущая и жестикулирующая толпа скрылась за дверями таверны, острый взгляд Фрэда, прикованный к Элизе, несколько смягчился.

– Я хочу похоронить Бена; можете ли вы мне? – обратился он к не перестававшей дрожать девушке голосом, звучавшим не так грубо, как раньше. – Это единственный человек в мире, которого я любил, – продолжал он. – Что будет дальше, не знаю.

Она наклонила голову в знак согласия, сообразив лишь только, что погребение на время отсрочит ожидающую ее участь.

Фрэд взял заступ и, отойдя шагов на сто, с лихорадочной поспешностью выкопал в золотом песке глубокую яму под одиноко стоявшим деревом. Когда могила была готова, он завернул труп брата в мех и опустил его на ее дно.

Засыпав могилу землей, он обратился к Элизе со словами, в которых слышалась грусть:

– Если вы знаете молитву, произносимую над могилой усопшего христианина, то прочтите. Я ее не знаю.

Просьба эта была равносильна приказанию, и девушка повиновалась. Она опустилась на колени на влажную почву, где сияло несколько золотых песчинок, и стала молиться, в то время как Фрэд вырезал ножом крест на коре дерева.

Окончив молитву, девушка поднялась и с тоской взглянула на бандита.

Он вытер глаза волосатыми кулаками и рукавом своей кожаной куртки смахнул со лба крупные капли пота.

– Благодарю вас, – сказал он. – Вы добрая девушка, и я не причиню вам никакого зла. Полно горевать... Бен отомщен... Вы помолились за упокой его души... Пойдемте теперь выпьем!

Элиза несколько ободрилась, посмотрела на великана и сказала приятным серебристым голосом, еще дрожащим от страха:

– Я никогда еще не была в таверне... Мне бывает нехорошо от виски...

Он терпеливо выслушал ее и как будто задумался над странными словами, которые как-то не укладывались в его голове.

– Как! Вы не любите алкоголя?.. Но ведь все девушки Золотого Поля страшно его любят и пьют с утра до вечера... Вы, вероятно, голодны и хотите есть, – прибавил он. – Пойдемте ко мне, я вас угощу пирогом и колбасой.

– Нет, благодарю вас, я не могу сейчас ничего есть. Я с удовольствием выпила бы воды!

– Вот тебе и на!.. Воды!.. Да разве кто-нибудь пьет воду!.. Ведь я вам предлагаю выпить у Джошуа Отравителя!

– Нет, мне достаточно немножко воды...

Он пожал плечами с видом человека, который отказывается понимать происходящее, и поднес ей оловянный сосуд, до половины наполненный какой-то подозрительной жидкостью.

Она хотела было поднести его к губам, но отвращение взяло верх над жаждой, и Элиза молча поставила сосуд на чурбак, служивший столом.

– Вода, должно быть, не первой чистоты? – заключил Фрэд. – Подождите!

И с поспешностью, удивившей даже его самого, он побежал к источнику, прополоскал несколько раз сосуд и, зачерпнув воды, принес девушке.

– Натэ, пейте воду, если уж вам так хочется!

Она схватила сосуд и с жадностью и наслаждением стала пить.

– Ну как вы себя теперь чувствуете? – спросил он.

– Лучше, гораздо лучше, благодарю вас.

– В таком случае вы станете сейчас моей женой, не правда ли?

Не будучи в состоянии защищаться и чувствуя себя в полной власти великана, она задрожала от ужаса и на ее глазах снова выступили крупные слезы.

Он смотрел на нее, разинув рот, совершенно обескураженный, не зная, что и думать.

– Я могу принадлежать только тому, кого люблю.

– Так полюбите меня...

– Я полюблю только того, кто пойдет со мной под венец...

– В таком случае будьте моей супругой!

– Поймите, наконец, что я не из таких!..

Этот страстный протест поразил его. С минуту он оставался в изумлении, напряженно что-то соображая, и, наконец, заговорил, почесав кулаком свой толстый затылок:

– Я обещал... Я не причиню вам никакого зла, так как вы прочитали молитву над могилой Бена. Я верю всему, что вы говорите, хотя это меня очень удивляет. Остается только посмотреть, что делают другие...

В этот момент послышались крики и револьверная пальба.

Фрэд приоткрыл дверь и увидел в ста шагах от хижины группу совершенно обезумевших авантюристов, судорожно изгибающихся, жестикулирующих, окровавленных.

«Тарантуловая» настойка, как видно, начала на них действовать.

Элиза видела как блеснули ножи, как сверкнули в воздухе их клинки и как человек тяжело свалился на землю, хрюкая как боров... Другой отошел на несколько шагов, держась обеими руками за живот, из которого вываливались внутренности. Послышались иронические крики «браво» и затем новые выстрелы.

Одни негодяи, охваченные манией убийства, кололи друг друга куда попало, между тем как другие обменивались самыми безумными вызовами.

Слова «проклятая баба» слышались ежеминутно, и в сторону хижины Фрэда с угрозами поднимались кулаки.

Крики с каждым моментом усиливались, страсти разгорались.

Вдруг всю группу этих буйных сумасшедших охватило сумасбродное веселье.

Что случилось?

После короткой ссоры два авантюриста бросились в таверну и возвратились, таща каждый по бочонку, литров по пятьдесят.

Ножами они отбили пробки с медными оправками.

Из отверстия высыпалось немножко черноватого порошкообразного вещества.

Затем оба они грузно уселись на бочонках, поставленных стоймя в полутора метрах друг от друга.

Фрэд, сильно заинтересованный этими приготовлениями, заерзал на месте от волнения и крикнул:

– Смотрите-ка, моя дорогая... В бочонках ведь порох... Вот так молодцы!.. Забавляются!..

Владелец таверны, никогда ни в чем не отказывавший подобным клиентам, принес пару железных, добела накаленных брусьев, дал каждому из них по одному и бросился бежать.

– Дуэль! – воскликнул Фрэд. – Дуэль на пороховых бочках!

И он не ошибся.

Каким бы сумасбродным ни казался такой поединок, это – действительный факт.

Зрители последовали примеру Джошуа Отравителя и бросились подальше от опасного места, в то время как каждый из дуэлистов старался попасть раскаленным стержнем в отверстие бочонка своего противника.

Взрыва пришлось ждать недолго. Над одним из бочонков взвился клуб белого дыма – тотчас же вспыхнуло пламя.

Не прошло и полминуты, как один из молодых очутился между землей и небом, весь окутанный черным дымом, и в тот же момент раздался грохот взрыва.

Оказавшийся в воздухе человек не успел пролететь еще и половины пути, как загремел второй взрыв.

Как легко было предвидеть, второй бочонок вспыхнул благодаря близости к первому, и оба безумца, страшно изуродованные, бесформенной массой свалились на землю.

Взрыв был такой силы, что хижину Фрэда сотрясло до основания, а свидетелей этой невероятной дуэли повалило на землю.

Фрэд, находивший зрелище очень забавным, хохотал до упаду; по его словам, из двадцати подобных дуэлей больше половины оканчивается хромотой участников и пять или шесть – моментальной смертью.

– Э... э... моя дорогая, ваши ухагеры разлетаются в куски, – шутил он.

– О! – воскликнула Элиза с мольбой. – Помогите мне... Уведите меня отсюда, Фрэд... Умоляю вас... Вы ведь не злой! Вы так любили своего брата! Фрэд, именем Бена, которому я все простила и над могилой которого я молилась...

Этого грубого человека как будто охватил прилив нежности.

– Ладно, я попытаюсь... Я сделаю все, что смогу... Но только если вы будете моей женой... Без этого... Знаете... я ничего не обещаю. Подумайте, а я пойду к Джошуа и постараюсь устроить это дело... Да, пусть дьявол расстреляет мою душу, если я этого не добьюсь. Не знаю еще, что будет... Придется, может быть, бросать жребий... Во всяком случае, можете надеяться!

Он ушел, и Элиза осталась одна со своими мрачными мыслями и предчувствиями.

Спустились сумерки, и тоску одиночества усугубило жуткое ощущение от окружающей темноты.

Вдруг недалеко от хижины раздался веселый переливчатый крик, заставивший пленницу вздрогнуть.

В этом трехсложном звуке, выкрикиваемом на особый лад, привычное ухо лесного бродяги сразу узнало бы крик дрозда-пересмешника.

Это – что-то вроде призыва, который можно выразить словами: «топпи-о-фи!» и который очень похож на переключивание парижских уличных мальчишек, этих пересмешников огромной столицы.

Как ни искусно воспроизведен был этот крик, Элиза сразу догадалась, что он принадлежит человеку и притом другу.

Значит, она не забыта и не покинута.

Бедняжка обрадовалась.

– Это Колибри... Без сомнения... Я спасена, – прошептала она.

Дверь легонько приотворилась, и в помещение проскользнула чья-то гибкая фигура.

Две руки с нежностью обвилились вокруг шеи девушки.

– Да, Элиза, мой друг, моя сестра, это я... – едва слышно произнес мягкий гортанный голос.

– Ты, Колибри? Моя дорогая малютка! Ты?.. Но как ты здесь очутилась?

– О, индианка всюду проберется! Колибри – дочь Черного Орла, а Черный Орел – великий вождь команчей... Отец научил меня всем хитростям мужчин нашего племени и вселил в меня душу воина.

– Да, мало мужчин отважнее тебя, моя милая!

– Нужно торопиться... Идем... Наши друзья там... Они ждут тебя с лошадьми наготове.

– А отец?.. Мать?..

– Они все еще в плену у бандитов, но мы их выручим!..

– А Жо?.. Ты нашла его?

– Нет!

– В таком случае я не уйду! Я не покину Жо.

– Значит, ты остаешься?

– Да.

– Ладно, и я с тобой.

Глава IV

Между тем наступили сумерки.

В хижине Фрэда было темно, как в яме.

Индианка вытащила из своего «мешочка для огня» огниво, трут, кремь и вмиг зажгла свечку из древесной смолы, вроде тех, что жгли наши деды.

– Итак, ты останешься со мной, Колибри?

– Ты не хочешь покинуть своего доброго старого Жо, а я не хочу покидать тебя.

– Если бы ты знала, что это за ужасные люди и как опасно среди них оставаться!

– Тем более необходимо мое присутствие! У нас, кстати, есть чем защищаться. Посмотри-ка: две винтовки, два кольца, патроны...

– А я и не подозревала, что они здесь есть.

– То-то, разве моя Элиза может быть трусихой?! – кратко и твердо сказала Колибри, снимая со стены винтовки.

– Конечно нет. Но я пришла сюда, умирая от голода, жажды и усталости; целых два дня мы без отдыха шли с бедным Жо, которому негодяи выкололи глаза. С твоим приходом ко мне вернулось мужество... Ты увидишь... ты сейчас увидишь!

– В добрый час, – промолвила Колибри, заряжая оружие. – Я узнаю в тебе прежнюю Элизу.

Обе они были совсем еще детьми, детьми в буквальном смысле этого слова: Элизе не было еще восемнадцати лет, а индианка, без сомнения, была не старше шестнадцати. Она была среднего роста и изящного сложения, с удивительно красивыми руками и ногами; под блестящей кожей цвета флорентийской бронзы угадывались гибкие и крепкие, как сталь, мускулы; ее черные с синеватым отливом волосы, по индейскому обычаю, ниспадали на спину двумя прядями, доходящими до пояса; широко открытые живые глаза блестели, как два черных алмаза; а за полными и влажными, как сердцевина спелого граната, губами виднелся ряд зубов молочной белизны.

Живописный костюм придавал этой чарующей естественной красоте еще больше оригинальности и прелести. На ней безукоризненно сидела охотничья блуза из бизоньей шкуры. Отделанная разноцветной вышивкой и тонкой бахромой по швам, стянутая в талии поясом из черной змеиной кожи, она спускалась до колен в виде юбки; панталоны из такой же мягкой кожи, с такими же украшениями и национальная обувь – мокасины, сшитые из шкуры луговых собак и кабаньей щетины, дополняли этот костюм.

– Надо искать Жо, – решительно сказала Элиза.

– Хорошо. Прежде чем потушить огонь... дай мне сориентироваться. А потом мы подумаем о защите в потемках.

Быстрым взглядом она окинула все закоулки хижины, прошла по ней с закрытыми глазами, сосчитала шаги и, взяв карабин, сказала:

– Ладно! Я знаю теперь, что где расположено.

Приняв, таким образом, все предосторожности, она дала Элизе один из имеющихся у них револьверов с серебряной чеканкой на рукоятке, а другим вооружилась сама.

Затем она быстро заплела роскошные волосы своей подруги в косы, надела ей на голову соломенную шляпу и сказала смеясь:

– Из-за кос золотоискатели примут нас за китайцев.

Задув лучину, она спрятала ее в кисет и вышла на улицу.

Элиза последовала за индианкой, оставив дверь незапертой, и обе они бесстрашно пошли осматривать таверны и «салуны» Золотого Поля.

Это было в высшей степени смелое и безрассудное предприятие, на которое не решились бы самые отважные храбрецы; девушки же, казалось, не находили в нем ничего необыкновенного.

Освещенные керосином таверны представляли собой простые бараки с оконными рамами без стекол. Благодаря этому снаружи легко было видеть всех посетителей.

В первом заведении Жо не было.

Кабачки, которых множество, были расположены на близком расстоянии друг от друга. Они занимали большинство домов единственной, изрытой грязными рытвинами улицы с деревянными тротуарами по сторонам, позволяющими с грехом пополам передвигаться по поселку, когда дождь превращает в топи огромные кучи песка.

Девушки с беспокойным любопытством приблизились к следующему заведению и стали заглядывать в окна.

Внутри все тонуло в оглушительном шуме: раздавалась самая безобразная ругань, отвратительные песни, велись адские игры. Сквозь густые клубы табачного дыма, наполнявшие кабачок, они различали зверские, пьяные лица золотоискателей, но не находили среди них доброго негра, лицо которого легко было узнать.

Они упорно продолжали поиски, но старика нигде не было.

Было поистине чудом, что смелые девушки не были узнаны проходящими и уходящими посетителями таверны, которые испытывают какую-то странную потребность переходить из одного заведения в другое.

Наконец, как и следовало ожидать, один из золотоискателей, вероятно менее пьяный или более проникательный, чем другие, узнал их.

Он собирался войти в «салун» Джошуа, когда заметил девушек, которые в этот момент стояли на тротуаре, освещенном ярким светом фонарей.

Он изумленно протер глаза и пробормотал:

– Да зажарит дьявол мои внутренности, если это не проклятая девчонка. Право!

Он направился к девушкам, которые пустились бежать от него. Негодяй погнался за ними, крича во всю глотку. Он грубо схватил индианку за рукав блузы и хотел потащить ее за собой.

Не издав ни звука, она вытащила нож и одним ударом, которому позавидовал бы любой мексиканец, порезала ему руку до кости.

Пьяница испустил вопль бешенства и боли и поднял страшный вой:

– Она пролила мою кровь!.. Фрэд!.. Фрэд!.. Вор, фальшивомонетчик! Иди сюда!

На эти крики пьяницы толпой вывалились из таверн. Впереди всех был Фрэд.

– В чем дело? Чего ты?

– Она меня окровавила... Вот!.. – И он показал свою руку, порезанную до кости.

– Кто?.. Да кто же?..

– Другая!

– Какая другая!

– Та, что сопровождает проклятую девчонку.

Фрэд увидел наконец две ловкие фигуры, которые бежали в конце улицы, и закричал во всю силу легких:

– Беда, друзья!.. Беда!.. Не давайте им убежать!

Фрэд не старался даже объяснить себе, каким образом девушка, оставленная им в хижине, очутилась теперь на улице в сопровождении индианки.

Прежде всего нужно схватить их: как все случилось – выяснится потом.

Элиза и Колибри успели бы скрыться, если бы этому не помешала непредвиденная случайность.

Деревянный тротуар, по которому бежали девушки, сломался под индианкой, и нога бедняжки застряла между двух досок, как в капкане.

Пока она ее высвобождала, банда пьяных негодяев успела приблизиться.

С решимостью, которую нельзя было предполагать в столь хрупком существе, Элиза заслонила подругу и, направив на толпу длинное дуло револьвера, захваченного ею в хижине, без малейшего колебания спустила курок.

Один из нападавших рухнул на землю.

Крики и проклятия возобновились с удвоенной силой. Но внезапный отпор, столь же решительный, сколь и неожиданный, на минуту остановил толпу.

Как ни был короток этот промежуток, он дал возможность Колибри освободиться, и обе девушки стремглав бросились вперед.

К несчастью, из-за остановки они потеряли две минуты! Две минуты, за которые они успели бы спастись в поле и найти стоянку друзей.

Теперь же, увы! путь им преградила пьяная толпа, подымавшая все больший шум.

Им ничего больше не оставалось, как укрыться в хижине Фрэда, стоявшей в самом конце улицы, в нескольких шагах от ям, вырытых золотоискателями в песчаной почве.

Едва дыша, они вбежали в хижину и успели забаррикадировать дверь, пока наиболее ловкие из пьяной ватаги, пошатываясь, приплелись туда и принялись стучать в дверь, требуя, чтобы их впустили внутрь.

При постройке своего жилища Фрэд и Бен, очевидно, старались сделать его как можно прочнее.

Оно представляло собой нечто вроде небольшого форта или блокгауза, в котором несколько решительных человек с успехом могли бы выдержать довольно серьезную осаду. Братья-золотоискатели, которые неумоимо работали и вели таинственный и замкнутый образ жизни, имели, по всей вероятности, серьезные основания превратить свое жилище в крепость.

По всем углам строения, как и в дверях его, были сделаны отверстия для ружейных дул, едва заметные непосвященному. Девушки заметили эти бойницы только потому, что сквозь них, прорезая царившую в хижине темноту, пробивался свет от освещенных пивных и «салун».

Не обращая внимания на удары в стены, сколоченные из толстых бревен, девушки стали энергично готовиться к обороне.

Колибри, благодаря своей способности различать предметы в темноте, без труда нашла карабины и патроны, и осажденные вооружились с ног до головы.

– Дом выстроен на славу и продержится молодцом, – сказала Колибри, подойдя к двери и глядя в бойницу.

– И мы не ударим лицом в грязь; не так ли? – спросила Элиза и просунула дуло винтовки в одно из боковых отверстий.

– О да! – энергично ответила индианка. – И так как самый лучший способ защиты – нападение, то... начнем!..

– Ты готова, дорогая?

– Да, Элиза, я готова.

– Ладно... Пли!..

Грянули два выстрела, еще два и еще – раздавшийся рев бешенства и боли доказывал, что они не пропали даром.

Золотоискатели пришли в замешательство и отступили.

Некоторые из них были до того взбешены своей неудачей и упорным сопротивлением этих девчонок, что предложили поджечь хижину. Другие пошли еще дальше и настаивали на взрыве динамитным патроном.

К счастью, и тому и другому воспротивились Фрэд и его друзья, которыми руководило главным образом желание взять бесстрашных девушек живьем, а отчасти и некоторая жалость к ним. Они предложили окружить хижину тесным кольцом и жаждой и голодом вынудить маленький гарнизон сдаться.

После долгих и шумных споров план Фрэда, пообещавшего товарищам новые порции «тарантуловой» настойки, был, наконец, принят.

Благодаря этой сделке между осаждающими, в распоряжении молодой француженки и ее подруги, маленькой индианки, оказалось несколько часов отдыха.

Элиза, которой страшно хотелось спать, заснула, держа наготове заряженную винтовку, как солдат на войне, а Колибри следила сквозь бойницы за происходящим снаружи, готовая при первой же необходимости разрядить свое ружье в осаждающих.

Ночь прошла спокойно, и Элиза хорошо отдохнула, несмотря на безвыходность положения.

При первых проблесках зари девушки увидели расположившихся на почтительном расстоянии от хижины золотоискателей.

– Они хотят уморить нас голодом, – промолвила Элиза, окидывая быстрым взглядом осаждающих.

– Да, осада не будет продолжительной, – предположила индианка.

Осада, действительно, не затянулась, но по иной причине.

Взбешенные упорной обороной и подстрекаемые язвительными шутками и насмешками вновь прибывающих «зрителей», осаждающие решили возобновить атаку.

Часть золотоискателей выскочили из укрытия и, как бешеные, бросились к хижине, потрясая в воздухе кирками, заступами и дубинами. Остальные открыли адский огонь. Пули сыпались градом на стены, отрывая куски дерева и разнося хижину в щепки.

Несчастные девушки уцелели только чудом. Они бесстрашно палили почти в упор из своих винтовок, но это не останавливало разбушевавшуюся пьяную толпу.

Несколько осаждающих упали, сраженные пулями, но остальные с криком торжества добрались до деревянных стен.

Элиза и Колибри не успели даже вновь зарядить ружей.

Окруженная со всех сторон хижина затрещала под ударами воинственной толпы.

Несчастные девушки сделали все возможное, чтобы спасти свою жизнь. Надежды уже не оставалось! Страшное предчувствие сжало их сердце при мысли о будущем. Девушек душили слезы гнева и невыносимой душевной муки. Они обнялись и решили покончить с собой.

Однако выполнить это оказалось невозможно, так как у них кончились заряды.

Часть стены рухнула.

Крепость взята... Эта победа пятисот пьяниц над двумя молоденькими девушками, почти детьми, была встречена торжествующим воем.

– Мы погибли, – прошептала Элиза.

– Еще нет, – воскликнула Колибри и издала крик дрозда-пересмешника.

Не успел еще отзвучать этот призыв, полный надежды на избавление, как послышался бешеный топот лошадей и в Золотое Поле внезапно ворвался отряд всадников.

Узнав двух всадников, скакавших во главе отряда, золотоискатели с удивлением и беспокойством закричали:

– Стальное Тело!..

– Черный Орел!..

Глава V

Прискакавший отряд состоял из двадцати пяти или тридцати человек: нескольких киовасских воинов, ковбоев ранчо Монмартр, вождя Черного Орла – отца Колибри, канадца Джимми и, наконец, Стального Тела – бывшего управляющего ранчо Колорадо, грозы конокрадов и пограничных бандитов.

Нужно было обладать безумным мужеством, чтобы с такими незначительными силами напасть на головорезов Золотого Поля. И теперь еще эта не тронутая цивилизацией часть необъятного американского материка служит театром поистине эпической борьбы и легендарных подвигов.

Прибывшие принадлежали, очевидно, к таким храбрецам: при их появлении среди золотоискателей воцарилось мертвое молчание. Все эти висельники и пропойцы почувствовали приближение грозы.

Один из мчавшихся во главе отряда всадников, ловко сидевший на маленькой пегой лошади, подал знак, и его спутники остановились.

Их полудикие лошади – эти неукротимые животные – не подпускали к себе никого, кроме своих хозяев, которым повиновались как верные собаки, но стоило подойти к ним постороннему человеку – начинали лягаться и кусаться как дикие звери. Необыкновенная быстрота, выносливость, удивительная способность выслеживать врага, будь то человек или зверь, и преданность своему укротителю – вот их отличительные черты.

На всаднике был живописный костюм: большая серая шляпа с приподнятыми спереди широкими полями и украшенной золотой каймой тульей, красная шерстяная блуза, зашнурованная ремнями, голубой шелковый пояс, к которому была подвешена пара колец с серебряной чеканкой на рукоятке, кожаные индейские панталоны и сапоги с большими шпорами.

На первый взгляд, во всаднике, невысоком человеке со спокойным и безмятежным лицом, трудно было заподозрить грозного смельчака, слава о котором распространилась далеко за пределами Рио-Гранде – широкой реки, отделяющей Соединенные Штаты от Мексики.

Это был красивый молодой человек лет двадцати пяти, с тонкими чертами лица, слегка загоревшего под знойными лучами солнца, с правильным прямым носом, лихо закрученными темно-русыми усами, слегка вьющимися волосами, светло-голубыми глазами и острым как клинок шпаги взглядом.

Услышав крик дрозда-пересмешника, индейский вождь протянул руку в направлении, откуда послышался сигнал, и сказал ковбою:

– Моя дочь и ее подруга там! Пусть мой белый брат поговорит с искателями золота.

Ковбой отъехал на десять шагов от группы, слегка приподнялся на деревянных стременах и звучно крикнул:

– Молодая девушка, дочь хозяина ранчо Монмартр, и ее слуга, старый негр по имени Жо, укрылись здесь от преследователей, атаковавших ранчо. Мы пришли сюда за ними с самыми мирными намерениями.

Эти простые слова, произнесенные самым миролюбивым тоном, вызвали целый град проклятий и отборных ругательств.

Фрэд, раздраженный бессонной ночью, с пересохшей глоткой и еще не протрезвевший, отвечал от имени всех бродяг:

– Мерзавец... Степная собака!.. Эта девушка принадлежит мне, мне одному!

– По какому праву?

– По праву сильного.

– А уверен ли ты в своем праве и своей силе?

Фрэд, бледный, со зловещим лицом и налитыми кровью глазами, сделал несколько шагов вперед и крикнул:

– Ах ты подлый выродок! Да я сотру тебя в порошок одним щелчком!

Ковбой залился звонким смехом, раскатившимся по всему Полю и донесенным эхом до «салуна», где на минуту прекратилась попойка.

Смех его подействовал на колосса, как укус слепня на быка, и окончательно привел его в ярость.

– Я, Фрэд Рэнджер, убил двенадцать человек! Береги свою шкуру! – заревел он, задыхаясь от злобы.

Не теряя спокойствия, ковбой крикнул ему в ответ:

– Бедняга! Вскормившая тебя свинья могла родить лишь борова; а боров, как известно, годен только на жаркое, а не в ораторы. Поэтому советую тебе замолчать. Ты надоел моим молодцам своей болтовней. Ступай, проспись после «тарантуловой» настойки и пощади наши уши!

– Трус! Трус! Трус! Говорить-то ты горазд, а подойти ближе трусишь... сидишь на своей козе... Не бойся, я без оружия!

С ловкостью акробата ковбой перескочил через голову своей лошади, причем седло и стремяна остались неподвижными, точно его выбросило какой-то пружиной.

Он бросил на землю нож и револьверы и, остановившись перед гигантом, сказал ему:

– Ты назвал козой мою лошадь... Предупреждаю тебя, что Букин-Билли-Гильом Бараний Прыжок страшно самолюбив, и он не простит тебе обиды, если ты перед ним не извинишься.

Разговор принимал все более и более забавный характер, и спутники ковбоя, посмеиваясь, ожидали, чем все это закончится.

Золотоискатели были взбешены. У Фрэда показалась на губах пена.

Элиза и Колибри стояли у настежь открытой двери хижины и радостно улыбались Черному Орлу.

Золотоискатель приготовился к бою и бросился на противника, не доходившего ему и до плеча, с намерением убить его своими огромными кулаками, твердыми и тяжелыми, как два молота.

Изумительно ловким, почти неуловимым движением ковбой уклонился от удара и угодил колоссу кулаком в лоб. Тот глухо завыл, пошатнулся, как от удара дубиной, и подался назад.

Бандиты, которых устрашала сила Фрэда, оцепенели от изумления: возможно ли, чтобы удар кулака так подействовал на гиганта и сделал неспособным к бою его, непобедимого Фрэда, свернувшего голову уже не одному сопернику?

Это было тем досаднее, что победителем был ковбой, то есть один из тех непримиримых врагов золотоискателей, с которыми они так же не ладят, как кошки с собаками.

Фрэда пытались ободрить криками, но напрасно – от страшного удара он потерял сознание.

– Что, довольно с тебя, а? Отвечай-ка, герой, убивший двенадцать человек, – потешался над ним ковбой. – Думаю, что хватит: я очень постарался. Теперь мне остается только расписаться на твоей физиономии на память о нашей встрече.

С этими словами он откинулся всем корпусом назад, коснулся одной рукой земли и, подняв ногу, провел шпорой по лицу гиганта, оставив длинный глубокий след от правого виска до левого угла нижней челюсти.

Нужно заметить, что колеса мексиканских шпор очень широки и имеют острые, как наконецник стилета, зубья.

Брызнула кровь, и несколько прядей волос осталось на этом странном орудии пытки.

Это и была подпись Стального Тела, поистине ужасная, ибо оставалась навсегда.

Кровопускание привело золотоискателя в себя – он с ревом хищного зверя бросился на ковбоя и схватил его поперек тела.

Все, кроме друзей последнего, ожидали, что молодой человек будет раздавлен в ужасных тисках.

Тот, однако, не сопротивляясь, позволил обхватить себя, а затем быстрым движением высвободился из объятий колосса, приподнял его над головой и отшвырнул от себя с такой силой, что Фрэд, описав в воздухе дугу, рухнул на землю.

– Брат мой – мужчина! – с одобрением и восхищением произнес на своем гортанном наречии индеец.

Его спутники шумно аплодировали, хотя не раз были свидетелями изумительных подвигов ковбоя и успели к ним привыкнуть.

Фрэд хрипел, окончательно обессиленный и неспособный продолжать поединок.

– А теперь ты извинишься перед Букин-Билли; не правда ли? – обратился к нему ковбой со словами, в которых слышалась насмешка и в то же время непреклонная воля. – Моя лошадь – славное животное и совсем не заслуживает твоих издевательств. Торопись же, потому что моя лошадь страшно нетерпелива... уж я ее знаю... Спеши, или она снимет с тебя скальп.

Пегий мустанг, видя лежащего перед собой человека, стал ржать, прясать ушами, оскалил зубы и бил копытом, взрывая песок.

– Ступай, Билли, мой мальчик, сними с него скальп, если ему не угодно извиниться.

Мустанг снова заржал и, вцепившись зубами в кожу на затылке золотоискателя, рванул ее...

Послышался треск и вслед за ним рев зверя, которого потрошат живьем.

– Довольно... довольно... пощади!.. – ревел Фрэд.

– Я согласен, но признайся раньше, что Билли не коза.

– Да... да... я ошибся... Это великолепное животное.

При этих словах ковбой свистнул на особый манер, и мустанг поднял голову.

– Достаточно, Билли, оставьте в покое джентльмена и не тревожьте его скальп.

Фрэд между тем потерял сознание.

Этот странный поединок и еще более странный эпилог продолжались не более нескольких минут.

Ошеломленные золотоискатели стали мало-помалу приходить в себя и ободрились, заметив, что отряд неприятеля невелик, – вновь слышались пьяные крики и было решено отомстить за Фрэда.

Элиза и Колибри воспользовались удобным моментом и присоединились к отряду с карабинами в руках.

Это еще более разъярило толпу и с новой силой пробудило в ней низменные инстинкты.

Загремел первый выстрел, и пуля, свистя, задела ухо Букин-Билли; мустанг стал лягаться.

– Джимми, – хладнокровно сказал Стальное Тело, – познакомьте-ка этого неловкого стрелка со своим карабином.

Канадец Жако, или Джимми, быстро приложил к плечу винтовку, прицелился и спустил курок.

Зачинщик подскочил на месте, а канадец, белобрысый, румяный гигант лет двадцати, заметил:

– Я вцепился ему в самую середину его «хлебной корзины»

– Недурно, Жако...

Не обращая внимания ни на пальбу, ни на крики, ни на угрозы, Стальное Тело снял шляпу перед молодыми девушками, ощущая какую-то робость в присутствии Элизы, протянувшей ему руку.

– Благодарю, – сказала она, – благодарю вас, сударь, что вы так вовремя пришли нам на выручку и рисковали из-за меня жизнью, не будучи даже знакомы со мной.

Он дотронулся кончиками пальцев до протянутой ему маленькой ручки и, не осмеливаясь пожать ее и не зная, что делать, пробормотал в сильном смущении:

– Мадемуазель, вы слишком добры... Право же, не за что... Я друг этого храброго индейца... его отважной дочери... Они и ваши ковбои искали вас... я присоединился к ним... очень просто...

Он говорил с ней по-французски непринужденно, точно так же, как с канадцем, и его акцент ей очень нравился.

Колибри в это время разговаривала с отцом, который похвалил ее за догадливость и храбрость. Потом она протянула руку канадцу, который покраснел до корней волос и, чтобы скрыть смущение, выстрелил в золотоискателя, палившего в них из засады.

С трех или четырех сторон раздались выстрелы, не причинив, однако, никакого вреда. Пьяницы были не в состоянии точно прицеливаться.

Некоторые из них убивали друг друга в упор.

Другие падали из-за отдачи собственного ружья.

Пока Стальное Тело с пронизательностью опытного воина осматривал позицию, Элиза благодарил его друзей, которые два дня шли без устали по ее следам.

Затем она погрузилась в тоскливые мысли о родителях и старике Жо, пропуская мимо ушей болтовню Жако и Колибри – двух друзей, которые вечно пикировались, но не могли жить друг без друга.

Стальное Тело, взявший на себя команду отрядом, и думать не мог об отступлении, так как не было никаких сведений об участии бедного негра.

Нужно было во что бы то ни стало спасти старика.

Стрельба между тем усилилась. Небольшой отряд, служивший до сих пор безответной мишенью, стал выказывать признаки нетерпения, тем более что пули летели все точнее и несколько человек уже были слегка оцарапаны. Нетерпение передалось и лошадям, которые беспокойно начали топтаться на месте.

Через несколько секунд в отряде наступила мертвая тишина. Внезапно Стальному Телу пришла в голову интересная мысль.

Улица была совершенно свободна. По ней можно было ускакать из Золотого Поля, спрятать девушек в ближайшем лесу, где они находились бы в полной безопасности, а потом возвратиться и попытаться освободить Жо.

– Жако, – обратился он к канадцу, – посади Колибри на холку своей лошади.

– Вы позволите, мадемуазель? – спросил он затем Элизу, поднял ее как ребенка, посадил в седло, а сам вскочил на крепкую спину мустанга и звучно крикнул:

– Вперед!

Ковбои с револьверами наготове бросились за своим предводителем, который первым врезался в толпу золотоискателей, преграждавших дорогу.

Лошади, привычные к самым необычным ситуациям, с дьявольской ловкостью перескакивали любые препятствия, валили по пути людей, лягались передними ногами и кусали тех, кто пытался их задержать.

Золотоискатели, не ожидавшие столь стремительного натиска, поняли, что добыча ускользает, и открыли адский огонь, сопровождавшийся отчаянным воем.

Отряд прорезал толпу и был уже на границе Золотого Поля. Еще момент – и он достигнет желанной цели.

Вдруг Стальное Тело разразился проклятиями.

Навстречу им во весь опор мчался вчетверо больший отряд вооруженных с ног до головы всадников на полудиких пограничных лошадях.

Их было по меньшей мере сто человек.

Во главе отряда на великолепной черной лошади, с белой звездой на лбу, неслась галопом молодая женщина замечательной, оригинальной, так называемой роковой красоты.

На ней была длинная амазонка цвета морской волны и поярковая шляпа с золотой тульей, украшенная длинным белым пером.

Лицо ее сияло той мраморной белизной, которой отличаются креолки испанского происхождения; губы казались кровавой раной, а глаза с бархатистыми зрачками сверкали ярким металлическим блеском.

Еще несколько скачков, и два отряда встретятся лицом к лицу.

Отряд Стального Тела, менее многочисленный, должен был неминуемо погибнуть.

Ужасная катастрофа была тем неизбежнее, что атакующие сплотили ряды и образовали компактную неуязвимую группу.

Только пушкой можно было пробить сгрудившихся людей и лошадей, летевших как вихрь.

Улица была широка, однако они успели ее загородить.

Этот бешеный натиск, очевидно, был заранее хорошо обдуман; молодая женщина, вместо того чтобы приказать нападавшим посторониться, изо всей силы ударила хлыстом по шее своего скакуна, заржавшего от боли и бешенства, и крикнула звонким, покрывшим шум атаки голосом:

– Вперед!

Глава VI

На восток от Скалистых гор, между тридцать второй и тридцать пятой параллелями северной широты, простирается огромное плоскогорье, которое известно географам под странным названием «Plano Estacado» – на испанском языке, «Staked Plain» – на английском и «Plaine Jalonnée» на французском, то есть Равнина Вех.

Плоскогорье образует неправильный четырехугольник, каждая из сторон которого равняется приблизительно тремстам километрам.

Эта огромная площадь – часть территории Соединенных Штатов – совершенно пустынна.

На плоскогорье нет ни рек, ни деревьев, нет и жителей, зато из-за великолепной травы, густой и вкусной, оно служит прекрасным пастбищем для скота. Взамен рек и ручьев там множество источников, а высота его достигает тысячи пятисот метров на севере и тысячи метров на юге, что делает его климат одним из самых здоровых.

Эта столь плодородная территория с прекрасным климатом, где очень быстро можно нажить несметные богатства разведением скота, имеет большое неудобство – дурное соседство.

На северо-западе от нее лежат земли индейцев навахо и апачей, число которых достигает девяти или десяти тысяч человек, причем ни тех, ни других нельзя заподозрить в радушном отношении к белым поселенцам.

На северо-востоке живут кивасы и команчи; они совершенно не тронуты цивилизацией и жгут, грабят, убивают и скальпируют, как в добрые времена Фенимора Купера, Майн Рида и Габриэля Ферри. Там же встречаются шошоны и хикарильо – племена, оставшиеся по сию пору кочевниками и большими охотниками до человеческих причесок.

На юге, по обоим берегам Рио-Гранде, отделяющей Соединенные Штаты от Мексики, рассеяно население гораздо более опасное, чем самые кровожадные индейцы. Если у последних сохранились еще, как у первобытных народов, большие достоинства, то «десперадо» – так называют это население, состоящее из подонков обоих народов, – стоят ниже всякой критики.

Это – разнообразнейший сброд бандитов, людей различного происхождения, разного цвета кожи, вырвавшихся из тюрем Старого и Нового Света, имя которых служит пугалом для колонистов, которых, между прочим, не особенно легко напугать.

Воровство, убийство, поджог, грабеж – вот основные занятия этих негодяев, чью свирепость возбуждает беспрестанное пьянство, в котором они видят высшее наслаждение и единственную цель существования.

Всего лишь тридцать лье отделяет заселенную ими территорию от южной границы Равнины Вех, и уже по этому можно судить, легко ли было основать здесь хозяйство.

Техасцы все же делали такие попытки, но с какими предосторожностями! Часть, принадлежащая Техасу, была разбита на тридцать одинаковых участков, и туда были отправлены концессионеры, которых, однако, вскоре перебили десперадо, – кости их до сих пор белеют у источников, так что эти поселения существуют лишь на бумаге.

И вот один француз осуществил то, что не удавалось техасцам, несмотря на их упорство, храбрость и авантюризм.

Да! Один француз отважился проникнуть в самую глушь Равнины Вех, устроился там и зажил счастливой жизнью – уделом храбрых и сильных людей.

Но сколько испытаний в такой жизни, сколько в ней борьбы, насилия и козней! Какое ожесточение против озверевших, распущенных людей подымается в груди.

Вот, впрочем, факты, простые, но полные героизма.

Сильно скомпрометированный во время Парижской коммуны рабочий-механик по имени Леон Дэррош благодаря бегству спасся от ужасных репрессий Кровавой недели.

Он покинул Париж при странных обстоятельствах – ему помог один печальный эпизод, описание которого необходимо для этой правдивой истории и будет далее приведено.

После тысячи перипетий Дэрошу удалось высадиться в Новом Орлеане с женой и двумя детьми – сыном и дочерью – без всяких средств.

Сыну его было тогда три года, а дочь была еще в колыбели.

Самому Дэрошу было не более двадцати семи лет.

Это был тип парижского рабочего, наполовину художника, наполовину ученого, – рабочего, который облагораживает свой труд, применяя научные знания, развивает свой ум и способности и нередко выдвигает из своей среды писателей, философов или политических деятелей.

Таких рабочих было много уже во время коммуны, теперь же имя им легион.

Приходилось устраиваться там, в Америке, где борьба за существование ожесточеннее, чем где бы то ни было.

Дэрош взялся за работу с усердием человека, который привык к труду.

Он ни слова не понимал по-английски, но, к счастью, в Луизиане еще говорят по-французски.

Сначала он добывал пропитание, работая в гавани на разгрузке судов.

Его семья вынуждена была жить на участке, расположенном ниже деревянных плотин, окаймлявших берега Миссисипи, в лачуге, куда просачивались вода и ил. Они задыхались от носившихся в воздухе миазмов и жестоко страдали от американских комаров, которые адски жужжат, прокалывают кожу человека своим хоботком и впускают в его кровь яд, приводящий в бешенство. Им приходилось жить впроголодь, что ненамного лучше смерти.

Увы! Далеко остался Париж, Париж, с его веселым грохотом, с его деловитой, шумной толпой, где никогда не чувствуешь себя оторванным от людей.

А Монмартр! И наверху, на самом вершине его, улица Лепик под мельницами, на просторе; а скромный домик, откуда виден как на ладони весь Париж, с садиком размером с платок, где дышалось полной грудью!

О Париж! Дорогой Париж! Дорогой уголок Монмартра, полный света и солнечных лучей!

Бедная женщина, бедные дети! Они были одиноки в огромной Луизиане, с ее бестолковым шумом, туманными днями, невыносимой жарой, грубым населением и зараженным воздухом!..

Да, они были одиноки в этой карикатуре на французскую столицу, среди этих карикатур на французов, совершенно обамериканившихся; затеряны среди равнодушных людей, бегущих по делам как на пожар; в течение многих часов оторваны от мужа, отца, изнемогавшего под тяжелой ношей, подобно выючному животному.

Страшная болотная лихорадка сломила энергию и лишила бодрости этого человека, которого ничто не могло привести в отчаяние.

Сраженный болезнью, Дэрош потерял место грузчика.

Наступила тяжелая пора борьбы с нуждой, со страшной нуждой, которая еще ужаснее для человека, когда он на чужбине.

Несчастные изгнанники жили впроголодь несколько месяцев, пока, наконец, Дэрош не нашел место кочегара на одном из миссисипских пароходов.

Теперь у них было на что жить!

Спустя некоторое время ему посчастливилось поступить механиком на одну из железных дорог.

Нужда отступила!

Посоветовавшись, они решили покинуть Новый Орлеан и поселиться в Литл-Роке, столице Арканзаса.

Жизнь в этом городе нравилась им больше, но они не предполагали остаться здесь навсегда.

Служебные обязанности Дэроша заставляли его довольно часто посещать Аустин – красивый городок, расположенный на берегу Рио-Колорадо. Этот городок был столицей Техаса и находился на самой границе. В двух шагах от него лежала совершенно дикая страна с ее опасностями, а часто и сюрпризами, нередко приносящими счастливцу несметные богатства.

И вот Дэрошу, которому надоело прозябание, не соответствующее его личным заслугам и тому усердию, с каким он трудился, захотелось разбогатеть.

Ему хотелось, чтобы его жена, его нежная, прелестная подруга, и его дорогие малютки, радость их семейного очага, могли, наконец, после долгих испытаний воспользоваться теми благами, что приносит с собой богатство, удовлетворить все потребности и прихоти, добиться высшего счастья: быть в состоянии оказывать добро ближним.

В Аустине ему не раз приходилось слышать рассказы о Равнине Вех, о том, какую выгоду можно было бы извлечь из ее богатств и какие препятствия встречаются там на каждом шагу.

Он часто думал об этом и взвешивал все доводы за и против.

Наконец, Дэрош решил испытать судьбу и, приготовив со свойственной ему энергией и быстротой все необходимое для фермы, отправился в путь с женой, детьми и верным слугой-негром Жо на приспособленной к долгим переездам большой и крепкой повозке.

Глава VII

Путешествие закончилось благополучно, без трудностей и приключений.

Достичь равнины было нетрудно. Они медленно поднимались по пологому склону и к вечеру добрались до местности, покрытой роскошной растительностью.

Неподалеку находился живительный источник, к которому тотчас же устремилась лошадь Дэроша.

Парижанин заметил родник издали и приказал Жо перевезти туда все необходимое для ночлега.

Неожиданно он услышал звук человеческого голоса. Кто-то пел заунывную песню, слова которой невозможно было разобрать. Она становилась все тише и тише.

Дэрош осторожно двинулся в направлении звуков, соскочил с седла и принялся за поиски.

Наконец, он обнаружил лежащего в высокой траве индейца с лицом покрытым яркими красками. Индеец спокойно смотрел на него и продолжал петь.

В двух футах от него торчало воткнутое в землю копьё с висящими на нем скальпами, то есть срезанной с головы человека кожей вместе с волосами.

Над ним стояла, опустив голову, лошадь и беспокойно обнюхивала его.

Будучи не в состоянии подняться или двинуться, индеец, очевидно, жестоко страдал, хотя его лицо выражало невозмутимое спокойствие.

Индеец принял Дэроша за десперадо и, предполагая дурные намерения, сказал на ломаном английском языке:

– Белый человек хочет убить индейца и взять его скальп. Пусть он подождет, пока ангел смерти сам закроет ему глаза.

Парижанин сделал энергичный отрицательный жест и ответил на не менее исковерканном английском языке:

– Вы ошибаетесь, краснокожий! Я – не враг; напротив, мне хочется быть вашим другом. Вы, видно, сильно страдаете. Я попробую вам помочь.

– Медицина белых могущественна, но она не может спасти человека, укушенного гремучей змеей. Черный Орел пропел уже свою предсмертную песню... Черный Орел умирает!

Услышав издали разговор, г-жа Дэрош с обоими детьми подошла к мужу, который заметил огромную змею, убитую индейцем после того, как она ужалила его в ногу.

Под действием яда опухоль быстро увеличивалась, и нога приняла форму деревянного обрубка.

При виде молодой женщины и детей у индейца выступили на глазах непокорные слезы, и он сказал с горькой улыбкой:

– У Черного Орла есть жена... и двое детей... он их больше не увидит.

Мадам Дэрош, тронутая до глубины души, прерывающимся от волнения и рыданий голосом прошептала:

– О, мой друг... Мой друг... как помочь... как спасти этого бедного отца?

Дэрош посмотрел долгим взглядом на жену и детей и воскликнул:

– Да... Я могу... Может быть, это грозит смертью... Но это мой долг. Жо! Принеси скорее аптечку.

Пока негр побежал за ящиком с необходимыми медикаментами, Дэрош вынул из кармана нож, поднял ногу умирающего и нашел на ней ранку от укуса ужасной змеи.

В два приема он надрезал кожу и мышцу вплоть до не тронутого гангреной места, сделал новый крестообразный надрез и снова взглянул на безмолвно следивших за операцией жену и детей.

Индеец даже не моргнул, несмотря на страшную боль; только лицо его, обыкновенно грубое, несколько смягчилось.

Дэрош отвел взгляд от своей семьи и бесстрашно приложил губы к зияющей ране.

Он с силой втянул в рот гнойную ядовитую жидкость, выплюнул и снова потянул ее из раны, рискуя жизнью, так как ничтожная ранка на губе, деснах или языке могла вызвать отравление.

Молодая женщина поняла теперь, что означали его слова: «Может быть, это грозит смертью... но это мой долг» – и сопровождавший их взгляд, полный любви.

Она побледнела, и ее охватила дрожь при виде мужа, вырывающего у смерти, быть может ценой собственной жизни, этого незнакомого человека, такого же мужа и отца, как и он.

Да, ее охватила дрожь. Но зато как гордилась она любовью этого человека, этого героя, столь великодушного и в то же время столь скромного!

Около четверти часа продолжал Дэрош операцию, не заботясь об опасности, которой подвергался.

Мало-помалу через рану стала просачиваться кровь, сначала черноватая и ядовитая, а затем и красная, становившаяся все чище.

Тогда он смочил рану несколькими каплями карболовой кислоты, которую достал из походного ящика, принесенного Жо.

Только теперь он подумал о самом себе – о возможном заражении, о грозящей ему опасности.

Он взял бутылку с виски и тщательно прополоскал рот.

– Все, что было в моих силах, я сделал, – сказал он наконец.

Жена, все еще дрожащая и очень встревоженная, бросилась в его объятия и прошептала со слезами нежности на глазах:

– Как прекрасен твой поступок и как горжусь я тем, что принадлежу тебе!

Индеец смотрел с бесстрашием, свойственным людям его племени, на эту нежную и радостную пару. Ему было гораздо лучше, но он еще чувствовал большую слабость.

Дэрош предложил ему место в повозке, но индеец отказался, предпочитая ночлег на шелковистой благоухающей траве под открытым небом.

Случайный врач тщательно промыл рану слабым раствором карболовой кислоты, сделал перевязку, дал пациенту бутылку виски для поддержания сил, пожелал ему спокойной ночи и ушел, пообещав сделать на рассвете новую перевязку.

На следующий день, к удивлению и прискорбию Дэроша, индейца уже не было там, где он его накануне оставил: он куда-то исчез.

Жо, не любивший индейцев, как и все негры, дал полную волю желчности:

– Эти люди – негодяи, воры, пьяницы, неблагодарные... Он, как другие краснокожие, неблагодарен белому, спасшему ему жизнь, и придет скальпировать всех, чтобы красть скот, повозку и провизию.

Дэрош только пожал плечами.

Он тотчас же приступил к постройке фермы для разведения скота. Прежде всего нужно было найти название будущей ферме, или ранчо, как ее здесь называют.

В память о далекой родине решено было назвать ранчо Монмартром.

И теперь еще оно носит это название и указано так в межевых планах техасских землевладельцев под рубрикой небольших хозяйств.

Затем было выбрано место, возвышавшееся над всей равниной, где решено было построить жилище, и отведен участок под огород, который вскоре засеяли.

Эти работы потребовали упорного труда в течение целого месяца, пролетевшего незаметно и быстро как сон.

Однажды, на восходе солнца, в новой колонии поднялась сильная тревога: к ферме несся во весь опор большой отряд всадников.

По их беспорядочному строю, живописной одежде и длинным копьям, униженным скальпами, легко было узнать индейцев.

Их было не менее ста, и они неслись с неслыханной быстротой на степных скакунах, таких же диких, как и их всадники. Спины неоседланных мустангов были покрыты шкурами пантер.

В пустынных местах каждого незнакомца приходится считать врагом; поэтому Дэрош и Жо схватили винтовки и, скрывшись с мадам Дэрош и детьми в повозке, решили упорно защищаться.

Вдруг Жо, весь бледный, насколько могут быть бледны негры, вскочил со вздохом облегчения:

– Хозяин!.. Госпожа!.. Индейцы – там – не враги... Они пришли вместе с женщинами повидать нас... Они идут не с войной.

В это время один из индейцев, по-видимому вождь, соскочил с коня, сбросил в знак мира оружие и приблизился к повозке.

– Ведь это наш индеец... тот человек, которого укусила змея! – воскликнула мадам Дэрош.

Парижанин действительно узнал в нем Черного Орла, который братски протягивал ему руки.

Дэрош протянул ему свои, и они искренне и горячо обнялись.

– О, мой славный краснокожий! Как я счастлив видеть вас! – смеясь и сияя от радости, говорил Дэрош. – А я уже стал вас считать человеком, недостойным доверия.

Индеец снова принял важный вид и, поклонившись мадам Дэрош, сказал:

– Черный Орел не забывает... Он обязан жизнью белому врачу... Благодарность – добродетель краснокожих... Белый врач всегда будет любимым братом Черного Орла.

– Я тоже буду вашим другом, вашим братом. Но скажите: каким ветром вас занесло?

– Черный Орел – главный вождь команчей. Он рассказал своим воинам, как белый спас ему жизнь, и они захотели познакомиться с белым другом краснокожих. Они попросили разрешения сопровождать вождя, когда он повезет жену, Красную Лилию, в лагерь своего друга.

– Как, ваша жена и ребенок здесь, и вы ничего не говорите? Где же они? Позовите их сейчас же? Между нами не должно быть никаких церемоний. Будьте у нас как дома.

Команч улыбнулся, повернулся к воинам и произнес несколько слов по-индейски.

Тотчас же от отряда отделился всадник на белом коне, которым он управлял с замечательной ловкостью.

Дэрош узнал в нем молодую женщину, прелестное создание, оригинальной и редкой красоты.

На ней была длинная, стянутая в талии блуза из дубленой кожи, а к груди был привязан кожаными ремнями очаровательный ребенок, протиравший крошечными кулачками заспанные глазенки.

Индианка соскочила с лошади со смущением, придававшим ей еще большую прелесть, приблизилась к европейцам.

Черный Орел с неподражаемым достоинством горделиво указал на нее и сказал:

– Вот Красная Лилия, моя жена, и Колибри, моя дочь!

Прекрасная индианка произнесла на гортанном наречии несколько слов, вызвавших одобрение Черного Орла и воинов-команчей.

Слова эти, полные благодарности, вождь переводил на английский язык по мере того, как она их произносила.

– Красная Лилия никогда не забудет, что белый спас ее мужа, великого вождя команчей. Она вечно будет верной сестрой белого, его жены, и ее дочь Колибри будет воспитана в любви к белым и их детям. Да ниспошлет им Маниту долгую и счастливую жизнь!

Ее речь, исходившая из самого сердца, глубоко тронула парижан. Эта благодарность, эта привязанность, которые она так живо чувствовала и о силе которых, как увидит сейчас читатель, свидетельствовали ужасные доказательства, взволновали их до глубины души.

Дети, Марсель и Элиза, подошли к молодой матери и с нежностью поцеловали крошечную Колибри.

Маленькая дикарка отвечала радостным смехом, и на ее бронзовых щеках появились ямочки. Все это переполняло счастьем родительские сердца.

Через несколько минут белые и краснокожие слились в одну дружную семью.

Чтобы как следует отпраздновать радостную встречу, Дэрош хотел выкатить весь свой запас виски и огненной воды, которые так любят индейцы.

Черный Орел, однако, решительно отказался.

Он прекрасно знал, как опасен этот яд, расточаемый янки с такой коварной щедростью.

– Нет, нет! Не надо огненной воды; только благодаря воздержанию команчи до сих пор сохранили свою гордую независимость.

Окончив беседу, индейцы соскочили с коней и отпустили их на волю: благородные животные были обучены являться на первый зов хозяина.

Человек двадцать воинов стали приближаться, держа в руках копья с привязанными к ним ужасными трофеями.

Дэрош с глубоким отвращением заметил пучки волос на содранной с черепов коже, не успевшей еще засохнуть и красной от крови.

Команчи с невозмутимым хладнокровием дикарей втыкали свои копья глубоко в землю на некотором расстоянии друг от друга, и скальпы развевались на высоте двух метров при малейшем ветре.

Парижанин обратился к Черному Орлу за разъяснениями, что означают эти странные украшения.

Вождь команчей сказал, что он узнал о намерении десперадо напасть с большим отрядом на прибывших недавно с запада поселенцев, то есть Дэроша и его семью, чтобы убить и ограбить их.

Узнав, когда и где они намерены осуществить свой страшный план – индейцам известно все, Черный Орел, совершенно излечившись после укуса змеи, бодрствовал много дней и ночей, выведывая и наблюдая.

Краснокожие терпеливо выждали момент, когда десперадо пойдут на ранчо Монмартр, и предупредили это свирепое нападение.

С быстротой молнии они налетели на разбойничью шайку, перебили и скальпировали всех, кроме одного, которому Черный Орел сказал:

– Белый, его жена, дети и черный слуга – братья команчей. Если хоть один волосок упадет с их головы, если пропадет хоть один их конь или будет украдена хотя бы одна корова, то десперадо по обоим берегам Рио-Гранде будут перебиты команчами. Иди и сообщи всем десперадо волю Черного Орла, великого вождя команчей.

В заключение Черный Орел с гордостью обратился к Дэрошу:

– Теперь, белый брат, можешь спокойно жить на земле, которую ты облюбовал. Никто никогда не осмелится тебя тронуть. Если какие-нибудь случайные грабители, не знающие о твоём союзе со мной, осмелятся прийти сюда, то будь спокоен: вид скальпов десперадо заставит их бежать отсюда навсегда.

– Я понимаю, мой дорогой друг, – сказал Дэрош, пожимая его руку. – Это вроде того, как у нас вешают в вишневых садах мертвую ворону, чтобы она служила пугалом. Благодарю,

мой славный брат, благодарю не за эти мерзкие парики, а за вашу дружбу и за ту великую услугу, которую вы мне оказали.

Глава VIII

С этого дня поселенцы чувствовали себя в безопасности.

Страшный урок, данный пограничным бандитам, принес свои плоды, и обитатели ранчо Монмартр спокойно принялись за работу.

Они добились заметных успехов в разведении скота.

Кобылицы и коровы, пасущиеся на роскошных пастбищах, давали обильный приплод, и не проходило недели, чтобы в стаде не появлялось еще несколько телят или жеребят, резвящихся около своих матерей.

Лошади содержались в загоне, окруженном забором из железной проволоки.

Колонисты жили тесным семейным кругом, вдали от городского шума. Здесь они могли забыть о страстях, эгоизме и безобразной жизни, которыми так бесславно известны крупные города.

Индейцы, эти неутомимые кочевники, которых ничто не может удержать на одном месте, однажды явились сюда, без всяких, конечно, дурных намерений.

Они обменялись дружескими приветствиями со своими братьями-белыми, отделили им часть только что добытой на охоте дичи и подарили несколько красивых одеяний, по индейскому обычаю, очень искусно сшитых из шкур бизона.

Разбив палатки, они развели огромные костры, на которых жарили мясо, плясали до упаду, угощали друг друга до пресыщения, пели песни и вели беседы самого фантастического характера.

После одной или двух недель шумного пиршества, гости сняли лагерь и умчались в глубь бесконечных прерий, чтобы снова внезапно появиться среди поселенцев Равнины Вех, так же внезапно исчезнуть и потом опять появиться.

Так, в полном довольстве, без малейшего горя, прошел целый год. Счастье было так безоблачно, что трудно было поверить в его продолжительность, особенно этим людям, которых всегда и всюду преследовали жизненные невзгоды и удары судьбы.

И действительно, этих достойных и благородных людей, которые уже победили, казалось, неумолимый рок, постигло страшное горе.

Постоянный прирост стад потребовал новых помощников, и Дэрош взял для присмотра за животными двух ковбоев, почти совсем одичавших на полной свободе.

Пастухов, вынужденных вести столь тяжелую и суровую жизнь, набирают по большей части из людей, выбитых из жизненной колеи и очутившихся на обширных равнинах Западной Америки из-за каких-нибудь грехов молодости, столкновений с правосудием или просто благодаря любви к приключениям.

Чтобы как-то существовать, они нанимаются на фермы: благо там не требуется никаких свидетельств и рекомендаций.

У вновь поступившего не спрашивают ни об его происхождении, ни о месте жительства, ни о роде занятий. От него лишь требуется умение владеть лассо для ловли животных и карабином для их защиты, а также способность просиживать по целым часам, дням и даже неделям в седле, не боясь ни зноя, ни холода, ни ветра, не страшась ни людей, ни диких зверей. Каждый, кто удовлетворяет этим условиям, может получить место с платой двадцать пять – тридцать долларов в месяц.

Среди ковбоев встречаются забияки, горькие пьяницы, но только не лентяи. Но зато среди этих выбитых из колеи людей и неисправимых бродяг очень много честных малых с профессиональным самолюбием.

Несмотря на привычку к излишествам, когда карман не пуст, ковбой является образцом честности, упорства в труде и энергии, когда он принимается работать.

Таковы в основном члены корпорации ковбоев, отчасти напоминающей французский легион, состоящий исключительно из иностранцев, но представляющий собой, несмотря на это, нечто цельное и стройное.

К сожалению, к этой буйной, но очень честной корпорации пристают иногда негодяи, бросающие на нее тень.

Два ковбоя ранчо Монмартр не составляли, казалось, никакого исключения из общего правила и были не лучше и не хуже своих товарищей.

Они обнаруживали самую горячую привязанность к детям и заботились о них, чему родители были очень рады.

Иногда маленькому Марселю, которому уже нравились лошади, оружие и вообще физические упражнения, позволяли сопровождать то одного, то другого из них куда-нибудь в окрестности.

Ковбой сажал Марселя впереди и несся во весь опор, а мальчик, чувствующий себя счастливым, весело кричал: «Браво! Еще! Еще!»

Однажды оба ковбоя уехали с мальчиком и долго не возвращались. Обычно они отлучались не более чем на час, но наступил вечер, а их все не было.

Мадам Дэрош, вначале слегка беспокоившаяся, начала серьезно тревожиться, когда наступил вечер.

К несчастью, она осталась на ферме одна: Дэрош и Жо отправились искать место для постройки нового загона.

Она ухватилась за последнюю надежду: вероятно, Дэрош и Жо встретились с ковбоями и они возвратятся все вместе.

Ночью негр и хозяин вернулись домой страшно усталые.

Мадам Дэрош бросилась к ним навстречу с душераздирающим криком:

– Марсель! Где Марсель?

Предчувствие ужасной катастрофы, готовой обрушиться на семью и разрушить ее счастье, охватило несчастного отца:

– Но... я не знаю... Я его не видел...

Обезумев от горя и побледнев, мать прошептала:

– Ты его не видел... Он не с тобой... Марсель... мой мальчик... погиб... похищен, может быть...

Но она была храброй женой человека, побывавшего в огне двух осад и бесстрашно пережившего все ужасы Кровавой недели. Она хотела противостоять удару, поразившему ее в самое сердце, хотела остаться на ногах, быть твердой. И это ей удалось.

Смертельно бледная, с покрасневшими глазами, она схватила руку мужа, сжала ее до боли и изменившимся хриплым голосом воскликнула:

– Пойдем! В путь!

Лошади Дэроша и Жо, еще оседланные, стояли на привязи у входа в ожидании, пока их отпустят пастись на свободе.

Она вырвала карабин из рук оцепеневшего негра, схватила лошадь под уздцы, вскочила в седло и, снова вскрикнув: «Едем!», пустилась во весь опор.

Обычно она боялась огнестрельного оружия и верховой езды.

Бывало, муж, желая научить ее на всякий случай владеть ружьем и скакать верхом, давал ей в руки винтовку или сажал на лошадь, но она опускала курок, закрыв глаза и вздрагивая при звуке выстрела, и, сидя в седле, то и дело цеплялась руками за гриву лошади, боясь упасть.

Сраженный ужасным ударом, не сознавая, что делает, муж, с глазами полными слез, машинально следовал за ней.

Она мчалась наугад, не замечая, что начинавшая уставать лошадь возбуждалась только при звуках ее голоса.

– Марсель!.. Марсель!.. Дитя мое! Мой мальчик!.. Марсель!.. Марсель!.. – кричала она. И голос обезумевшей матери, обыкновенно такой тихий и гармоничный, переходил в какой-то рев.

Лошадь, закусив удила, неслась как ураган.

Конь Дэроша мчался вслед за ней с развевающейся по ветру гривой и ржанием, которое повторялось, как эхо, пасшимися в степи кобылицами.

Не будучи в силах больше кричать, несчастная мать захрипела, и кровь хлынула из ее горла; она выстрелила из карабина в надежде, что ковбои увидят пламя и услышат звук выстрела.

Ей хотелось верить, что они задержались в пути случайно.

Может быть, они упали с лошади или сбились с дороги.

Отец, тоже безутешный, сохранял все же больше хладнокровия. Он думал, что ковбои, вероятно, были сообщниками десперадо, этих врожденных врагов колонистов, или даже сами принадлежали к их среде. Без сомнения, эти подонки похитили ребенка.

Но зачем? С какой целью?

Наверное, в качестве заложника, за которого можно получить большой выкуп.

Ему хотелось приблизиться к жене, поговорить с ней, попытаться утешить ее нежными словами и какими-нибудь убедительными доводами успокоить ее усиливающееся возбуждение.

Но несчастная ничего не видела, ничего не слышала.

Ее лошадь неслась наугад во мраке, закусив удила.

Ее призывы, то пронзительные, то хриплые и глухие, прерывались ружейными выстрелами.

– Марсель!.. Мар... сель!.. Мальчик мой!.. Слышите вы меня?

Мрак беспредельной прерии оставался по-прежнему непроницаемым и безмолвным.

Усталые лошади, с покрытыми потом, взмыленными боками, стали спотыкаться.

Дэрош с тревогой вспоминал о страшном столбняке, который, очевидно, сковал их из-за бешеной скачки и действие которого начало уже проявляться.

Он боялся, и не без основания, этой болезни, возникающей вследствие чрезмерной усталости и поражающей даже самых выносливых животных.

Опасения его оказались не напрасны.

Лошадь мадам Дэрош запуталась в траве и рухнула бездыханная, с неподвижными, сведенными судорогой ногами.

Конь Дэроша, бывший не в лучшем состоянии, остановился и застыл, как будто превратился в гранит.

Парижанин соскочил с седла и нашел жену, которая без движения, почти не дыша, лежала на земле.

При виде любимой жены, своей подруги в борьбе, изгнании и всех несчастьях, лежавшей в агонии, при мысли о своем ребенке, которого так коварно у него отняли, несчастный заплакал.

Слабый, болезненный стон привел его в себя.

Его жена бредила.

Теперь, когда ее энергия была сломлена, бедная молодая мать, будучи не в силах двигаться, произносила имя ребенка душераздирающим шепотом людей, впавших в беспамятство:

– Марсель!.. Марсель!..

Вокруг них царил непроницаемый мрак: кругом была безмолвная пустыня.

Дэрош присел на корточки, положил голову жены на колени и нежными словами, с которыми мать обращается к своему больному ребенку, пытался ее успокоить.

Разбитый, уничтоженный, измученный, он страдал в течение долгих, мучительных часов, тех страшных часов, которые тянутся, как годы.

На рассвете он смог разглядеть свою жену и пришел в ужас, увидев, как она изменилась.

Не имея под руками даже стакана воды, он приложил к ее вискам влажную от росы траву и влил несколько капель этой влаги между ее воспаленных губ.

Так прошло еще два часа.

Топот быстро скачущих лошадей заставил Дэроша вздрогнуть. Жо, добрый, преданный негр, несся во весь опор с двумя запасными лошадьми. Как только занялась заря и можно стало различить следы, он бросился вдогонку за хозяевами, посадив в свое седло маленькую Элизу, которую не решался оставить одну.

Малютка проплакала всю ночь.

Она улыбнулась отцу, бросилась к нему на шею и осыпала горячими поцелуями.

Потом она спросила о матери и, увидев ее лежащей на земле, принялась кричать.

Мама, ее дорогая мама ничего ей не говорила, не видела и не узнавала ее.

Потом какая-то мысль промелькнула в ее маленькой головке, и малютка прошептала:

– Мама спит... правда? Скажи, папа!

– Да, моя милая, – сказал отец, тяжело вздыхая и сдерживая рыдания. – Да, она спит.

– Идемте, господин, – сказал Жо. – Имейте мужество. Марселя увели потихоньку, мы его после найдем. Добрая госпожа очень сильно больна. Мы повезем ее домой. Я привел сюда двух лошадей, чтобы отвезти вас.

Дэрош пожал руку доброму негру и сказал:

– Ты прав, мой друг. Да, делай, как знаешь. Ты видишь, я потерял голову... Думай за всех нас...

Павшие лошади лежали недвижимы, и их окоченелые трупы окружали уже тучи мошкар.

Жо снял с них седла и уздечки, быстро привязал их к тем лошадям, что «принес», и, когда все было готово, сел в седло, посадив впереди себя Элизу.

Дэрош посадил жену на лошадь, вскочил в седло позади нее и, прижав ее к груди, помчался домой.

Несчастливая мать шептала бессвязные слова, делала безумные жесты, приводившие в трепет ее мужа, и смотрела вокруг невидящим взглядом. Она не приходила в себя.

Увы! Маленький Марсель, появление которого спасло бы ее, не возвращался.

Да, бедный ребенок был похищен двумя бандитами, которые увезли его далеко в глубь пустыни, меж тем как полумертвая мать, не переставая, шептала его имя.

Три ужасные недели продолжалось такое состояние, и все это время Дэрош не имел ни минуты покоя.

Вместе с Жо, самоотверженности которого не было предела, он старался вырвать ее у смерти, и наконец она была спасена.

На двадцатый день мадам Дэрош как будто очнулась от кошмара, посмотрела долгим взглядом на мужа и на Жо, который смеялся и плакал от избытка чувств, и вдруг вспомнила.

Из груди ее вырвался крик:

– Марсель!..

Дэрош грустно опустил голову, и она разразилась рыданиями.

Она плакала долго и безутешно, а затем тихо прошептала:

– Леон, мой друг... мой дорогой, дай мне мою дочь... мою Элизу...

Она была спасена.

В этот момент открылась дверь, и на пороге появилась высокая и гордая фигура индейца.

– Черный Орел! – воскликнул Дэрош. – О вождь! Горе обрушилось на твоего бледнолицего брата и на твою бледнолицую сестру, которые так любят тебя.

Краснокожий, не видя Марсея, своего маленького друга, решил, что ребенок умер. Дэрош рассказал об ужасном горе, обрушившемся на их дом.

Индеец выслушал его и сказал:

– Десперадо украли ребенка. Команчи скальпируют сотню их.

– Не лучше ли было бы попытаться найти моего мальчика?

– Друг мой! Твои братья-краснокожие обещут всю страну. Они сделают все, что возможно, чтобы осушить глаза моей сестры и залечить кровавую рану ее сердца.

* * *

Их поиски были долгими, терпеливыми и усердными, но, к несчастью, они оказались тщетными. Похитители ребенка, очевидно, покинули страну, так как никакая весть о них никогда не доходила до безутешных родителей.

Глава IX

Долгие годы протекли в тишине и спокойствии.

Эти шестнадцать лет были бы вполне счастливыми, если бы они не были отравлены потерей маленького Марселя.

На ранчо Монмартр было полное изобилие. Стада увеличивались. Разбогатевшие поселенцы выстроили удобный, просторный дом. Множество пастухов пасли стада. Между ними было двенадцать ковбоев, взятых на службу по рекомендации управляющего, знавшего их очень хорошо.

Несмотря на горе, Дэрош почти не постарел. Постоянные разъезды по Равнине Вех, пребывание на чистом воздухе благотворно сказались на его организме, истощенном трудами и особенно луизианскими лихорадками.

Разбогатев, он остался по-прежнему простым, добрым и услужливым человеком.

Мадам Дэрош была безутешна: она ни на минуту не забывала пропавшего сына, говорила о нем каждый день, надеялась на его возвращение, перебирала его вещи, игрушки и ежедневно ставила на стол еще один прибор, ожидая, что он вот-вот появится и бросится к ней с криком: – Мама!

В этой упорной, столько раз обманутой надежде было что-то мучительное и вместе с тем трогательное: скоро ее стали разделять и другие члены семьи.

Добряк Жо, сильно постаревший, но все еще бодрый и здоровый, создал из этого какой-то религиозный культ веры и упования. Да, без сомнения, Марсель, его маленький господин, вернется выросшим, загоревшим и возмужавшим – таков был догмат его веры.

А Элиза, красивая грациозная и энергичная Элиза, сохранила всю свою женственность, несмотря на сугубо мужское воспитание.

Она превратилась в прелестную восемнадцатилетнюю девушку, которая души не чаяла в родителях и в старом Жо; ее баловали, как пятилетнего ребенка, что, однако, несколько не мешало ей скакать по двадцать лье на полудикой лошади или выстрелом из карабина уложить, как кролика, степного волка.

Она в совершенстве владела всеми видами домашнего труда и, что обычно не свойственно американкам, недурно стряпала и говорила по-французски, по-английски и по-индейски.

Она носила наполовину индейский, наполовину европейский костюм, умела из ничего сделать себе украшение и стать таким образом еще прекраснее, придав своей необыкновенной красоте неотразимое очарование.

Команчи не переставали вести кочевую жизнь, но значительно сузили круг своих странствий.

Ранчо Монмартр становилось как бы центром, вокруг которого селились индейцы, группировались колонисты, золотоискатели и, к несчастью, авантюристы.

Черный Орел, его жена – Красная Лилия и дочь – Колибри то приходили, то вновь уходили, но большую часть времени проводили на ранчо.

Колибри росла вместе с Элизой, и общность воспитания странно повлияла на становление их характеров. Колибри приобрела от Элизы некоторые европейские черты, передав в то же время подруге некоторые свойства, присущие индейской расе. Обе девушки от этого лишь выиграли, и примесь дикости у одной и цивилизованности у другой делала их еще очаровательнее.

Между тем Дэрош, располагавший крупным состоянием, в последнее время стал о чем-то задумываться. Он начал небрежно относиться к делу, возложив все заботы о ранчо на управляющего, пользовавшегося у него полным доверием.

Время от времени он куда-то таинственно исчезал вместе с Жо, и оба они возвращались измученными после довольно длительной отлучки. Так продолжалось почти год: через более или менее значительные промежутки времени они неожиданно куда-то исчезали, тщательно скрывая цель и место своих поездок.

* * *

Из века в век, еще с периода испанского завоевания жители этой части Северной Америки, принадлежавшей до 1848 года Мексике, а затем отошедшей к Соединенным Штатам, рассказывали странную легенду.

В те времена, когда конкистадоры во главе с Кортесом подвергали индейцев всевозможным пыткам, чтобы вырвать у них как можно больше золота, которое использовалось местным населением даже в домашнем обиходе, вождю большого индейского племени, жившего по ту сторону Рио-Гранде, удалось спасти от грабителей сокровищницу нескольких союзных племен. Эти несметные богатства были так хорошо скрыты вождем и его помощниками, что розыски клада ни к чему не привели. Но, с одной стороны, благодаря некоторым обстоятельствам, с которыми скоро познакомится читатель, а с другой – любопытным документам, опубликованным заинтересованной стороной, тайна эта была скоро разгадана.

Так или иначе, но легенда из поколения в поколение продолжала жить среди индейских племен, после покорения снова впавших в «дикое» состояние.

Об этих баснословных сокровищах, которые никак нельзя было найти, говорили столько же, сколько о сокровищах Эльдорадо, слух о которых привлек в Бразилию столько авантюристов, возбудил столько вожделений и погубил множество упорных кладоискателей.

Немало экспедиций было организовано искателями приключений, авансы которым выдавали настоящие синдикаты, создаваемые для поисков этих сокровищ.

Граф Рауссэ-Бульбон видел в этом открытии осуществление своих заветных мечтаний.

Маркиз де Пиндрей принял участие в одной из подобных экспедиций и был убит в Соноре.

Много искателей приключений пало жертвами своей алчности: ни лишения, ни опасности, ни отсутствие достоверных документов, ни, наконец, неправдоподобность этой легенды – ничто не могло их остановить.

О кладе не переставали говорить, и постоянно возобновлявшиеся попытки найти его подогревали интерес современников к легенде.

Потому и Дэррош познакомился с ней тотчас же после прибытия в эти места.

Как парижанин, Дэррош был скептиком и первое время смеялся над этими баснями: он сочинил даже на эту тему какую-то историю, которую рассказывал по вечерам детям, начиная ее словами: «Жил-был однажды...», как рассказывается в сказках.

После похищения Марселя сказку о сокровищах он больше не рассказывал, но все-таки она глубоко засела в голове Дэрроша.

Его друзья, краснокожие, верили, конечно, в эту легенду, как в Святое Писание, но неохотно о ней говорили.

Однажды он узнал, что какой-то американский капиталист устраивает за свой счет большую экспедицию для поисков легендарных богатств.

«Без сомнения, тут что-нибудь да есть! – решил он, думая об этом. – Не попытать ли и мне счастья!»

Как и другие, опьяненный собственными словами и ослепленный мечтой, он пустился на поиски.

Это было незадолго до событий, изложенных в начале нашей ужасной и правдивой истории.

Черный Орел, конечно, сообщил ему все, что знал о сокровищах.

Но, в сущности, он знал мало. Одна старинная индейская песня, нечто вроде таинственного гимна, известного лишь жрецам и вождям, повествовала об Анатских, или Аннамских, горах и о Воздушном Городе.

И тут вдруг Дэрош вспомнил великолепную гравюру из журнала «Кругосветное путешествие», которая изображала причудливую группу воздушных жилищ, стоящих много веков на Аннамских горах. Они прилепились к самым верхушкам скал на головокружительной высоте и казались чем-то вроде наростов самой горы. До их четырехугольных отверстий-входов на первый взгляд было невозможно добраться.

Но в одном месте на расстоянии семи или восьми метров друг от друга были видны небольшие площадки – и с помощью небольшой веревочной лестницы можно было постепенно добраться до входа в эти необыкновенные жилища.

В голову ему пришла упорная, доводящая до изнеможения, до страдания мысль: «О, если бы это было там!»

С тех пор он, точно одержимый, не знал покоя, мечтая о находке старинного покинутого города арапаосов.

Весь в ее власти он приказал однажды приготовить шесть запасных лошадей и в сопровождении Жо отправился на поиски, преодолев пятьдесят лье в два дня, ничего не нашел и вернулся на ранчо Монмартр, чтобы вскоре с еще большим ожесточением снова возобновить розыски.

Разъезды продолжались до тех пор, пока в одно прекрасное утро он не заметил старинные, веками необитаемые жилища, прилепившиеся, как гнезда ласточек, к склонам горы.

Он задрожал от радости и воскликнул:

– Я был в этом уверен!

Теперь вопрос был в том, как взобраться на отвесную скалу.

Недолго думая, Дэрош с помощью Жо, который вполне разделял безумные мечты своего господина, принялся за постройку лестницы.

Что это была за лестница! Каждую минуту она могла сломаться и рассыпаться на куски.

Не обращая на это ни малейшего внимания, они стали взбираться на головокружительную высоту, причем одно неловкое движение, малейшее отклонение в сторону грозило им падением с шестидесятиметровой высоты.

Нужно было обладать недюжинной отвагой, чтобы совершить этот подъем, на который уже триста лет никто не отваживался.

Они добрались до маленькой комнаты, похожей на каменную клетку, и вспугнули целую стаю летучих мышей.

Стены комнаты были украшены прекрасно сохранившимися скульптурами и примитивными рисунками, служившими различными эмблемами или фетишами.

За первой комнатой следовала вторая, затем третья; они сообщались четырехугольными отверстиями, в которые едва мог протиснуться человек.

Свет в комнатах убывал по мере перехода из одной в другую: они были расположены перпендикулярно к фасаду и углублялись внутрь горы.

Это была пещера с вырубленными в ней кельями, соединенными друг с другом множеством входов, выходов и переходов, поэтому в ней легко можно было заблудиться.

Дэрош зажег свечу, которой он запасся, предвидя поиски в подземных галереях.

Они шли наугад, все больше и больше углубляясь внутрь горы.

Вдруг послышалось ворчанье, и они ощутили неприятный запах какого-то зверя.

– Гм! Смотрите-ка, ракун! – воскликнул Жо. – Как оказалась здесь эта гадина?

Ракун, или енот, – небольшое, часто встречающееся в этой местности животное – любимое лакомство негров и предмет самой страстной охоты.

У Жо мгновенно пробудился охотничий инстинкт, и он, как сумасшедший, бросился в погоню за парой енотов, нашедших приют в таком странном месте – и воздушном, и подземном одновременно.

Он забыл все на свете – и своего господина, и клад – и очертя голову носился по окутанным мраком комнатам и коридорам, ведомый, как гончая собака, лишь запахом животного.

Тщетно Дэрош звал его и уговаривал прекратить погоню, не без основания опасаясь какого-нибудь опасного обвала.

Наконец откуда-то издалека раздался глухой голос Жо:

– Господин!.. Прийдите... прийдите сейчас!.. Тот зверь не мог убежать... Я его поймал...

Дэрош бросился туда, откуда слышался призыв, и набрел на негра, который, сидя на корточках в углу, изо всех сил старался удержать какой-то предмет неопределенной формы.

Перед ним возвышалась очень высокая стена. В этой комнате, очевидно последней, было только одно входное отверстие.

На стене он заметил скульптурное украшение в виде совершенно обнаженного человека с головой крокодила.

Оно не особенно его поразило, так как он видел подобные изображения и в других комнатах.

Жо между тем пыхтел в углу, кричал и ругал барахтающееся в его руках животное:

– Ты пришла, гадина!.. Я скоро вырву тебе хвост!

В земляном полу виднелась круглая дыра, похожая на лисью нору и служащая, очевидно, входом в убежище ракунов.

Жо несколько опоздал, но успел все-таки вцепиться в хвост зверя, который упорно отбивался когтями и, визжа, протестовал против такого странного и мучительного способа охоты.

Жо был сильно возбужден и кричал:

– Господин, вы тащите тоже... Тащите, тащите!.. Мы схватим гадину!

Чтобы избавиться от пронзительных криков и успокоить разбушевавшегося негра, Дэрош поспешил ему на помощь, и несчастный зверь, потеряв последние силы, покорился судьбе.

Жо схватил ракуна за задние лапы, вытащил из норы и, опасаясь, чтобы зверь не укусил его, изо всех сил хлопнул им о стену.

– Ну, старый безумец, ты успокоился? – смеясь, спросил негра Дэрош.

Вдруг он вздрогнул.

Его охватило страшное волнение.

Еще немного – и он упал бы: ноги его стали подкашиваться.

Негр, размахивающий трупом животного, тоже вздрогнул.

Пушистое рыльце животного, его покрытые пеной губы, лапки с острыми когтями – все было покрыто желтой металлической пылью.

Дэрош поднес свечу ближе и, не веря своим глазам, прошептал: «О... Это золотой песок!»

– Точно, – подтвердил Жо, – эта гадина каталась в золотом песке.

– Но тогда... сокровище индейцев – колоссальное сокровище... несметное... Сокровища Воздушного Города! Значит, они должны быть здесь.

Он взял щепотку металлической пыли, слегка зернистой и жесткой на ощупь, и больше не сомневался.

Да, это было золото!

По обилию песка в мехе енота можно было предполагать, что по ту сторону стены, там, куда ведет нора находится масса этого металла.

Дэрош всунул руку в дыру, и концы его пальцев покрылись золотой пылью.

Но удовлетворить его алчное желание и овладеть кладом, который, как он догадывался, был всего в нескольких метрах, увы! мешала скалистая стена.

Призвав все свое спокойствие и сдерживая биение сердца, он обратился к Жо:

– Идем, мы немедленно вернемся с инструментами и сокрушим проклятую стену. Но, – прибавил он, подумав, – как мы найдем это место в таком лабиринте отверстий, проходов, углов...

– Мы сделаем знаки, – ответил Жо наивно.

– Да, чтобы другие напали на наш след... Только этого не хватало! Закроем-ка поплотнее дыру.

Он закрыл дыру обломками скалы и обратился к Жо:

– Иди впереди, и мы постараемся сориентироваться.

Старик, держа под мышкой убитого зверя, отыскивал дорогу, а Дэрош, задумавшись, шел за ним со свечой в руке.

Голое туловище негра внушило ему внезапно странную мысль: «Если бы я мог набросать на нем общий план местности, то нашел бы ее с закрытыми глазами. Почему бы, впрочем, и не привести это в исполнение?... Мой нож остр как бритва. Несколько черточек, нацарапанных острием... Жо даже и не почувствует... А вернувшись домой, я сниму копию с этого... живого плана».

Он сообщил свою мысль негру, и тот нашел ее великолепной.

– Сейчас!.. Да, сейчас!.. Вы рисуете на мне, моя кожа... Как это будет смешно!

И Дэрош, держа в одной руке свечу, а в другой нож, стал набрасывать план, осторожно проводя на черной коже Жо розовые линии, обозначающие путь от норы ракуна до первого домика Воздушного Города.

Несмотря на предосторожности, в некоторых местах оригинального плана выступила кровь, и Дэрош, кончив дело, собрал несколько щепоток красноватого песку, валявшегося на земле, и присыпал свежие раны. Так переписчик посыпает песком еще не успевшие высохнуть чернила на бумажных листах.

Порошок этот, как оказалось впоследствии, был не что иное, как гематит, или красный железняк, чего Дэрош совершенно не предполагал. Присыпанные им раны оставили на спине неизгладимые пунцовые следы, нечто вроде татуировки.

Достигнув входа, Жо сбросил вниз труп животного, и они стали медленно и с большими предосторожностями спускаться по проложенному ими опасному пути.

Благополучно добравшись до подножия скалы, они разобрали деревянную лестницу, чтобы уничтожить доступ к верхушке скалы, и, устроив из ее обломков костер, зажарили несчастного енота.

Затем они рассеяли по ветру пепел, с большим аппетитом съели свою жертву и, оседлав лошадей, помчались к ранчо Монмартр.

Они отсутствовали лишь пять дней.

Глава X

Уже на следующий день после возвращения домой Дэрош и Жо снова отправились в Воздушный Город.

Парижанин горел страстным желанием поскорей убедиться в важности своей находки и не мог усидеть на месте.

У него, однако, хватило благоразумия ничего не сказать жене и дочери. Он промолчал, боясь разочаровать их в случае неудачи, и удовлетворился тем, что, поцеловав их на прощание, сказал:

– Немножко терпения, и вы узнаете невероятную новость, сулящую нам счастье и радость.

У мадам Дэрош мелькнула мысль, что есть какие-нибудь вести о бедном маленьком Марселе.

Но, увы! ее муж, несмотря на благородное сердце, несмотря на глубокую любовь к семье, лелеял теперь лишь одну мечту – мечту о сокровище.

Она вздохнула и подумала: «Для меня нет счастья, пока мне не вернут ребенка».

Взяв с собой шесть лошадей и все необходимое, Дэрош и Жо вновь отправились по знакомой дороге к Анатским горам.

Горные и плотничьи инструменты, которыми они запаслись, сослужили им хорошую службу как при постройке лестницы, так и при разрушении стены.

Они без труда нашли Воздушный Город, благополучно добрались до верхней площадки и вошли в первую комнату.

Тут-то и пригодился Дэрошу план, который он начертил на спине негра за неимением бумаги и пера, карандаша или чернил.

Никогда не удалось бы им без него добраться до цели их путешествия среди множества комнаток, похожих друг на друга, как ячейки улья.

Несомненно, без плана они не нашли бы того пути, по которому их заставил идти случай в образе енота.

Через десять минут они очутились у большой стены, украшенной изображением идола с головой каймана.

Вооружившись кирками, Дэрош и Жо энергично принялись разрушать стену над норой. К удивлению, работа подвигалась очень медленно.

Красноватый цемент, связывающий глыбы гематита, из которых состояла стена, поддавался очень туго.

Они удвоили энергию и, проработав около часа, поняли, что им потребовалась бы целая неделя, чтобы прорыть отверстие, достаточное для того, чтобы в него мог пролезть человек.

Холодная злоба охватила Дэроша, сгоравшего от нетерпения найти сокровище, и ему пришла в голову безумная мысль, осуществление которой могло стоить им жизни.

– Что же, – сказал он, – коль сильна болезнь, так и лекарство нужно употребить сильное. Динамитный патрон – это единственное, чем можно помочь нашему горю...

Затем он вынул из патронташа гильзу, наполнил динамитом, привязал с одной стороны бикфордов шнур и, положив патрон в нору ракуна, скомандовал Жо:

– Идем отсюда живей!

Спустя несколько минут страшный взрыв потряс до основания скалу и разрушил стену.

Оглушенные грохотом взрыва, они добрались до стены, пролезая в щели и перебираясь через груды обломков.

При свете свечи они заметили сквозь пелену дыма брешь.

Стена, казавшаяся нерушимой, раскололась, как будто в нее ударила молния.

Проход оказался очень узким, и они с большим трудом пробрались сквозь него.

Первым, исцарапав все тело, пролез Дэррош. Поднявшись на ноги, он заметил над головой огромный осколок, который сорвался с верха стены и держался только каким-то чудом.

«Стоит этому осколку шелохнуться, – подумал он, – и мы будем заперты здесь навеки. Да и жизнь наша не была бы тогда долговечна...»

Наконец-то они здесь, в этой сокровищнице, которая веками возбуждала алчность людей...

Без сомнения, это и есть то место и те сокровища, о которых говорилось в легенде.

Дэррош, однако, не испытывал того опьянения, того безумия, которые в подобных случаях обычно охватывают даже самых спокойных и бескорыстных людей.

Он как будто разочаровался.

А между тем там были слитки золота, составляющие целое состояние.

Самородки различной величины – от ореха до человеческой головы, симметрично сложенные слитки, кучи золотого песка наполняли сундуки или, вернее, деревянные, грубо сколоченные ящики, которые прекрасно сохранились.

Золото это, тусклое, без блеска, будто покрытое дымом, действительно, выглядело совершенно непривлекательно.

Это был грубый материал, еще не обработанный, в своей неприглядной естественной простоте.

Представьте себе глыбы гранита до того, как они стали величественными стенами дворца, или кусок мрамора, прежде чем скульптор изваял из него богиню или героя.

Но собранное здесь золото тем не менее и в таком виде представляло огромную ценность.

Несметное богатство заключалось в двадцати пяти ящиках, выстроенных в ряд около стены!..

– Ведь здесь больше тридцати тонн, – воскликнул, наконец, Дэррош, воодушевляясь. – На сто миллионов!.. Может быть, даже больше!..

Звук собственного голоса удивил его, так он изменился.

Ему показалось, будто говорил не он, а кто-то другой.

Что касается Жо, то он молчал и чувствовал себя счастливым, видя радость своего господина; он ликовал, потому что ликовал Дэррош. Это была радость соучастия, если можно так выразиться.

Мало-помалу, однако, Дэррош начал испытывать чувство, похожее на опьянение.

Он черпал пригоршнями золотой песок, пропускал его сквозь пальцы, погружал руки в золотые кучи и царапал ногтями золото, ощущая лихорадочную радость и стараясь продлить как можно дольше это нервное ощущение.

У него вырвался крик – крик восхищения и удовлетворенной жадности.

При свете свечи, которую держал Жо, Дэррош увидел последний ящик, в котором переливались с ослепительным блеском драгоценные камни: алмазы, рубины, бирюза, аметисты, сапфиры, изумруды, гранаты.

Большинства их не касалась рука ювелира, но некоторые были отделаны индейцами с таким искусством и вкусом, что могли бы соперничать со знаменитыми драгоценностями, которые Фернандо Кортес отказался уступить даже самому Карлу V.

Дэррош, опьяненный видом сокровищ, долго стоял перед сундуком.

Наконец, сделав над собой усилие, ему удалось побороть овладевшее им лихорадочное возбуждение.

Бросив последний взгляд на богатства – дар слепой судьбы, он сказал твердым голосом:

– Ну полно, пора уходить; не правда ли, мой добрый Жо?

– Это самое! Мы пойдем, если хозяин хочет.

Они пробрались через брешь и вошли в комнатку. Вдруг Дэрошу пришла в голову мысль, что кто-нибудь может случайно найти эту брешь.

Жо, догадавшись о тревоге хозяина, сразу разрешил его опасения; он взялся за кирку и, не говоря ни слова, принялся за обломок стены, который, как мы уже говорили, каким-то чудом висел над их головами.

Под ударами кирки камень с грохотом рухнул и завалил трещину. Таким образом, клад был совершенно скрыт от постороннего взгляда.

Они убрали, как и в первое посещение, лестницу, уничтожили все следы своего пребывания и отправились за лошадьми, которые паслись, стреноженные.

Несмотря на то что Дэрош всеми силами старался сохранить спокойствие, он не мог сдерживать волнения и шумно выражал свою радость.

Жо, более сдержанный, уговаривал хозяина быть осторожнее, но бесполезно.

Когда они пробирались через густые поросли, покрывавшие подножие горы, слышался легкий треск сучьев и шорох шагов.

– Господин, – сказал он вполголоса, – не говорите так громко. Там люди, которые, может быть, следуют за нами и услышат нас...

Дэрош усмехнулся, пожал плечами и ответил:

– Ба, оставь, старина! Это какой-нибудь зверь, испугнутый нашими шагами. Здесь никого, кроме нас, нет.

И вопреки самым элементарным правилам благоразумия он продолжал мечтать вслух.

Однако они добрались до ранчо Монмартр без неожиданностей. Несмотря на это, Жо все время был беспокоен и в глубине души почти уверен, что их выследили.

Мадам Дэрош и Элиза едва узнали Дэроша, так он был возбужден.

Когда он с воодушевлением стал перечислять сказочные богатства Воздушного Города, его снова охватило лихорадочное возбуждение:

– Да, более чем на сто миллионов... Представляете ли вы себе, мои дорогие, что такое сто миллионов в сравнении с нашим ничтожным имуществом фермеров-скотоводов? Они обеспечат нам жизнь, достойную могучих властелинов американской демократии: Железнодорожных Королей!.. Королей Серебра!.. Королей Нефти!.. А я... я буду Королем Золота!

Мы купим дворец в Нью-Йорке, снимем роскошный особняк в Париже, приобретем чудесную виллу близ Ниццы... Мы сможем разъезжать по железным дорогам с аристократической пышностью, купить яхту для переездов из Нового Света в Европу и обратно... В нашей жизни осуществится этот гениальный, захватывающий роман, который называется «Граф Монте-Кристо»!.. Да, он осуществится целиком... Не забудем и о мести... Неумолимая, беспощадная месть преступнику, который облачил наш Париж в траур... который покрыл его позором... посеял всюду безумие и смерть.

Жена Дэроша, видя мужа, приходящего все в большее возбуждение, делала попытки его успокоить, но он ее не слушал и продолжал, еще больше воспламеняясь:

– Да, этот бандит Кровавой недели, этот негодяй...

– Леон, друг мой, довольно, я тебя умоляю...

– ...А, он теперь разыгрывает из себя важную персону... полковник, увешанный орденами, скоро генерал, близкий друг модных знаменитостей... А, подлец!.. Я надаю тебе пощечин, несмотря на твои эполеты, я сорву с тебя твои побрякушки, я ткну тебя носом в прошлое...

* * *

Дэрошу хотелось как можно скорее спрятать в безопасном месте сокровища, принадлежавшие ему, впрочем, пока лишь номинально.

Для этого их надо было тайно с большими предосторожностями перевезти из Аннамских гор в какой-нибудь большой город.

Это было сопряжено с огромными трудностями.

Как, в самом деле, везти через всю прерию обоз, который едва поместился бы в трех товарных вагонах?

Кому довериться? Кого взять в помощники?

Решить эту задачу с одним лишь Жо, нечего было и думать. Что делать? Как быть?

Ждать?.. Но ждать он не мог.

Разделить сокровища и перевозить их частями?

Невозможно! Их неминуемо выследили бы после двух-трех подобных поездок;

И Дэррош выходил из себя при мысли, что в случае смерти его и Жо его жена и Элиза могут не получить сокровищ.

Он проклинал себя за несообразительность, за то, что не догадался захватить с собой из пещеры драгоценные камни, которые ввиду их незначительного объема и веса можно было легко перенести, а между тем они составляли целое состояние.

Несколько дней прошло в составлении различных планов, и к досаде Дэрроша с каждым днем возникали все новые и новые трудности.

Как раз в это время на фермеров обрушился новый удар судьбы, страшный, неожиданный, тем более ужасный, что он постиг их в тот самый момент, когда они предполагали, что навсегда избавились от преследовавшего их рока.

Ранчо Монмартр уже не было так изолированно, как вначале. У Дэрроша появились соседи; соседи, конечно, настолько, насколько можно считаться соседями в пустыне.

Самое близкое жилище – ранчо Колорадо было в восьмидесяти километрах на восток.

Другое – ранчо Президент находилось на юго-западе и отстояло от Монмартра значительно дальше, чем ранчо Колорадо.

Лежавшую на северо-востоке индейскую деревушку отделяло от фермы Дэрроша расстояние в пятьдесят с лишним лье.

Словом, в случае внезапной опасности нельзя было ожидать немедленной помощи.

Ковбои ранчо Монмартр составляли, правда, довольно сильный гарнизон, но, выполняя свои обязанности, они слишком отдалялись от фермы, и нередко случалось, что дом оставался без защиты.

В то время не было, впрочем, никаких причин опасаться каких бы то ни было нападений, особенно если вспомнить тесную дружбу Дэрроша с команчами, которые стали бы безжалостно преследовать каждого, кто осмелился бы посягнуть на жизнь или свободу жителей Монмартра.

Однажды вечером к ферме подошли четверо путников и попросили у хозяев ночлега.

Вид их не внушал особого доверия.

Они представились рудокопами и объяснили, что направляются в Золотое Поле, которое открыто было несколько месяцев назад и привлекало множество людей, стремящихся к быстрому обогащению.

Гостеприимство считается священной обязанностью у жителей пустыни, и путник всегда может рассчитывать на стол и ночлег.

В тот вечер ковбои были заняты своими обычными делами, и на ферме были лишь хозяйка и Жо.

Дэррош усадил гостей за общий стол, а после ужина отвел их в помещение, где ночевали ковбои. Когда сгустились сумерки, он принес свечу, вправленную в стеклянный подсвечник. Но едва Дэррош вошел в комнату, как один из незнакомцев, стоявший позади него, набросил ему на шею лассо и в мгновение ока затянул петлю.

Дэррош, задыхаясь, упал, не издав ни звука.

Его связали по рукам и ногам, сунули в рот кляп и оставили в комнате ковбоев.

Затем бандиты пробрались в столовую, набросились на жену и дочь Дэрроша и, прежде чем те опомнились, связали их, зажали им рты и положили рядом с фермером. С удивительным проворством они проделали то же самое с Жо и прислужгой-ирландкой, которые были в кухне.

Предупредив таким образом сопротивление, бандиты принялись за грабеж и завладели всеми ценными вещами: серебром, золотом, драгоценностями и тому подобным, не был забыт и большой запас виски.

С ними были две повозки, запряженные лошадьми, на вид неказистыми, но быстрыми как ветер.

На одну повозку бандиты положили придушенного Дэрроша и его жену, а на другую – Элизу и Жо.

Не заботясь о служанке, которая недвижимо лежала на полу, бандиты вскочили на повозки, по двое на каждую, и лошади под частыми ударами кнута, как бешеные, понесли их сквозь ночной мрак.

Глава XI

Возвратимся, однако, к тому, что происходило в Золотом Поле, когда два отряда неслись во весь опор навстречу друг другу.

Один из них, состоявший из Элизы, Колибри, Стального Тела, Черного Орла с его индейцами, Жако Канадца и ковбоев с ранчо Монмартр, был сравнительно невелик.

Другой состоял из каких-то незнакомцев и находился под командой амазонки, редкая красота которой носила какой-то странный характер; он был вчетверо многочисленнее первого!

В голове Стального Тела как молния блеснула мысль:

«Будь я один... с этими всадниками, лучшими в мире... с нашими дикими лошадьми... по револьверу в руке... адский огонь... В миг бы прорвали мы цепь этих молокососов... Но с двумя девушками на руках это немыслимо...»

Оба отряда продолжали стремительно нестись навстречу друг другу.

В рядах нападавших раздались торжествующие крики.

Стальное Тело презрительно улыбнулся и прижал к себе крепче Элизу.

– Не бойтесь! – прошептал он, ударом длинных шпор заставил Букин-Билли встать на дыбы, повернул его на месте под прямым углом и опустил повод.

Пегий мустанг на мгновение как будто застыл, а затем, опустив уши и оскалив зубы, точно зверь, готовый броситься на добычу, одним прыжком перескочил через тротуар, находящийся по левую сторону.

В момент скачка Стальное Тело успел скомандовать:

– Налево, за мной!

Перескочив через тротуар и оказавшись перед входом в таверну Джошуа Отравителя, лошадь Стального Тела, которая была великолепно выдрессирована и привыкла повиноваться самым неожиданным командам хозяина, влетела в раскрытую настежь дверь и врезалась в толпу посетителей.

Можете себе представить, что за вой, ругань и проклятия, перемешанные с грохотом бьющейся посуды, раздались в ответ на внезапное вторжение.

Это был настоящий разгром... На полу валялись разбитые столы, сломанные скамьи, сбитые с ног «джентльмены»... Общий вид таверны напоминал посудную лавку, в которую ворвался взбешенный бык.

Букин-Билли промчался как ураган по огромному залу, щедро раздавая по дороге направо и налево укусы и удары копытами.

Жако Канадец, Черный Орел, управляющий ранчо Монмартр и другие, стоявшие в первом ряду, с интересом следили за смелым маневром своего предводителя и ждали команды.

Вождь краснокожих испустил военный клич команчей, протяжный и переливчатый:

– Аоууу!.. иа!.. оууу!.. иаааа!..

– Не бойтесь? – спросил добряк Жако у Колибри, которая сидела перед ним в большом мексиканском седле.

– Нисколько, – ответила девушка, сверкнув глазами.

Маленькие степные лошадки перескочили через тротуар и, мчась бешеным галопом за Букин-Билли, закончили дело, с таким успехом начатое Стальным Телом.

В мгновение ока весь отряд очутился в зале среди груды обломков, образовавших неприличный для степных скакунов ковер.

Джошуа Отравитель, стоя у прилавка и глядя на эту столь для него печальную картину, орал во всю глотку и рвал на себе волосы.

Ковбои между тем удовлетворили охватившую их страсть разрушения и, хохоча до упаду, остановили наконец лошадей.

Этот ловкий и отважный маневр длился не более пятнадцати секунд.

В тот самый момент, когда последний ковбой перескочил через тротуар, черный жеребец прелестной амазонки промчался мимо фасада.

Прелестной красавицей владел бешеный гнев: щеки ее стали еще бледнее, губы искривились, а глаза сверкали огнем.

Положение и в самом деле становилось комическим.

Это моментальное исчезновение войска, которое было объектом нападения, действительно могло взбесить и обескуражить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.